Кирилл Аваев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

- Шакал я паршивый! Все ворую, ворую…

Из х.ф. «Джентльмены удачи»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я чужого не беру. Никогда! Воров презираю. «Вор должен сидеть в тюрьме» - одно из моих любимых изречений. Даже самое любимое. Каково же мне жить в стране, где все вокруг воруют направо и налево?

Насколько противно мне, человеку принципиально не берущему чужое, жить в обществе, где каждый готов стянуть все, что плохо лежит, а если и не готов, то лишь потому, что боится! А если то, что тянут, не имеет хозяина с именем и фамилией, то это и вовсе воровством не считается. Вот крал я как-то на железной дороге…

Я работал на железной дороге «рефом» - механиком рефрижераторной секции. Это такая сцепка из пяти светлых вагонов - четырех грузовых и одного служебного, в котором мы и жили и работали. Приезжаем на мясокомбинат. Груз – охлажденное мясо. Встали под погрузку. Мы с напарником, как и положено, открываем грузовые вагоны и стоим посреди рампы. Тишина, никого не видно. Вдруг все приходит в движение. Открылись

массивные ворота, и из них по наклонным рельсам, приделанным к потолку, прямо к нашим вагонам поехали туши, каждая - на большом стальном крюке, который с грохотом едет по рельсу на приделанных к нему роликах. Рампа наполняется гулом, сотни туш несутся на нас, раскачиваясь и сталкиваясь между собой. Через пару минут снова становится тихо. Мерно качаются туши возле открытых вагонов, и ни души. Трогаем мясо. …Свежайшее! Парное! Полчаса назад еще бегало!

А я ведь уже говорил, что грузиться мы должны были мясом охлажденным. То есть мясокомбинат, прежде чем грузить, должен был его охладить, но не охладил. Почему? Охладить сотни тонн мяса – это энергия, время, зарплата, износ оборудования… И все это мясокомбинатовцы решили сперетъ. А работу по охлаждению свалить на нас. А мы не против. Мы - «за»! Для того чтобы все это охладить, мы заранее наворовали, в смысле, наэкономили нужное количество солярки, масла, фреона. Только почему они мясо выкатили, а сами не идут? Делиться не хотят. Наверняка прячутся в темном загашнике и наблюдают, что мы делать будем. А вдруг мы пойдем чай пить? Они тогда моментом нагонят три десятка грузчиков, и пока мы его пьем, все погрузят, закроют и опломбируют. Тогда нам придется делать их работу бесплатно. Вот тут мы против: делиться надо. Поэтому мы берем большой нож, огромный градусник и поднимаем над головой, чтобы они из своего загашника видели: мы не шутим! Сейчас будем температуру мяса измерять! Не идут… Командую напарнику: «Коли!». Он засаживает ножище в тушу и сразу выдергивает обратно, а я в образовавшуюся дыру вставляю градусник. Из темного угла рампы слышится вздох сожаления и голос: «Сейчас, сейчас. Идем…». Выходят двое. У одного в руках - ведра с мясом, у другого – акт приемки.

Что примечательно, мясо, что было в ведрах, спокойно

где-то отрезалось от туш, ведра перемещались по территории, передавались рефам, вывозились с комбината. Где был в это время вездесущий ОБХСС? Наверное, тут же, в доле. Вот если бы я попытался незаметно отпилить от туши полкило на супчик, то, поди, сразу прибежали бы из загашника!

В другой раз мы брали картошку. Не крали, нет. Брали. Наша секция зашла на разгрузку в … В одну из столиц союзных республик. Я специально не скажу, в какую именно, чтобы, как сказал классик, не обидеть другие столицы союзных республик, в которые я мог заехать на своей секции и увидеть точно такую же картину: пути, на которых мы стояли, были по колено завалены картошкой. Отличной, крупной картошкой, нехватка которой, может, и привела к развалу Великой Державы. Картошке было плевать, что из-за нее разваливается Держава. Она бессовестно валялась на путях, где вагоны по ней не только ездили, но и поливали ее из всех своих выходных отверстий.

Мы с напарником, конечно, поступили так, как на нашем месте поступил бы любой советский человек: бросив все дела, мы кинулись спасать социалистическое имущество в тех местах, где оно было еще не полито. Но не успели мы спасти и один мешок, как появились двое в пиджаках:

-Воруем?

-Почему?.. Берем!

-Да нет! Воруем! Причем в крупном размере!

-Да не смешите… Полмешка картошки! Воров нашли!

-Мы вас не рассмешить хотим, а огорчить вынуждены. Кража социалистической собственности на сумму более десяти рублей – это кража в крупном размере. У вас в мешке – килограмм пятнадцать. А картошка сегодня на рынке…

Я похолодел, так как картошка стоила в ту пору рублей

двадцать-тридцать за кило: законы были еще социалистические, а цены - уже нет. Не потому похолодел, что в нашем мешке был состав преступления, вину за которое надо искупать несколько лет. Я – ладно! Держава… Ее экономика! Мне стало плохо от того, что я узнал. Пара хороших картофелин для моей Родины – «крупный размер»! Шок от этой правды был силен, но мы нашли, что ответить:

-Да все равно сгниет! Если разобраться, то мы тут вообще! Спасаем социалистическую собственность! Вам-то что за дело?

-А мы как раз из Отдела по Борьбе с Хищениями Социалистической Собственности! Слышали про такой?

-Йес, йес!.. ОБХС!.. – ответили мы популярной в народе фразой, высыпали картошку из мешка обратно на рельсы и заперлись в вагоне.

Наступила ночь, но как мы могли спать, когда Держава гнила, картошка разваливалась, а двое в пиджаках не хотели больше нас огорчать?

А как я крал при ГАИ! Как я крал при ГАИ! При екатеринбургском ГАИ в середине девяностых организовали службу автоэвакуаторов. И вот на одном из автоэвакуаторов я и пристроился. Водителем. Расценки на услуги назначила ГАИ, а в расценках она понимала. Они были такими, что эвакуация после аварии была бедствием большим, чем сама авария. Но деньги по этим расценкам потекли не к ним, а к нам, водителям техпомощи, которые при них пристроились. И вот тут они уже ничего не понимали. Начальник дежурной смены приходил на стоянку наших машин и плакал: «Кто же так ворует? Воруют ведь не так! Воруют по-другому! Надо принести и мне, дежурному. Половину! Ну, хоть треть. А от вас даже сока с плюшками не дождешься!».

Нет, все до последней копейки мы у ГАИ не отнимали. Последнее, как известно, даже мент не берет.

Где я еще успел поработать? В армии, например. Там я тоже украл. Украл, украл, прошлого не изменишь. Ботинки. У Лехи - собрата своего по тяготам и лишениям. Хорошие летные ботинки. По тем временам - просто замечательные. На литой мягкой подошве, с матерчатыми эластичными вставками по бокам. Не думаю, что они были кожаные, но даже если они и были из дерьмонтина, все равно это было одним из высших достижений советской обувной индустрии. Не помню, что в ту пору продавали в обувных магазинах. Может, потому и не помню, что ничего не продавали. А тут… Можно сказать, кожаные, на литой подмешве, со вставками… В магазинах одежды тогда тоже ничего не продавали, но даже это «ничего» выглядело вполне прилично, если его совместить с летными ботинками.

Дело было перед отпуском после первого курса, то есть как раз тогда, когда самое время подумать о том, чтобы выглядеть прилично, но украл я не для того, чтобы выглядеть. Мне что тогда, что сейчас было в общем-то все равно, в чем ходить. Дело было в том, что свои ботинки, как и остальную летную амуницию, я должен был сдать прапору, завхозу эскадрильи, и если бы я этого не сделал, то он не расписался бы в моем обходном листе, а без его росписи там меня не отпустили бы в отпуск. Очень нужна была мне его подпись. А ботинок своих не было. Я их потерял. А может, украли. У Лехи же, наоборот, было две пары. Свою он не потерял и намеревался сдать старшине, а во второй намеревался поехать в отпуск и выглядеть. Не знаю, где он вторую пару взял. Не думаю, что украл. Скорее всего, купил у того, кто украл. Вот эту-то пару я и спер. Тщательно удалил с внутренней стороны инициалы предыдущих владельцев, измазал каким-то мазутом, обшоркал песком… В общем, изуродовал до

неузнаваемости, сдал старшине и поехал в отпуск, не забыв, конечно, покричать громче всех: «Ух, я бы этой сволочи, которая ботинки ворует!..»

И так плохо отдыхалось мне в том отпуске! Вот не поверите: как вспомню про ботинки, так прямо водка в рот не лезет…

После отпуска склонил голову перед Лехой: «Так и так… Я спер. Сильно в отпуск хотелось…». Меч, как ему и положено, повинной головы не отсек. А Лехино ответное слово было таким: « Ну, украл… Понимаю… А признаваться-то зачем?! Вот тут я тебя никак не пойму!».

Больше со мной такого позора никогда не было. В отпуске после второго курса и водочка, и огурчик следом проскакивали так, как они это умеют только в отпуске, хотя перед отпуском у меня недоставало не только ботинок, но и еще нескольких обязательных для сдачи завхозу позиций. Каких именно – уже не помню. Но то, что их было несколько – точно. Причем точно было и то, что я все это не посеял. Я - сеятель по жизни, но тут уж столько всего недоставало! Хотя уверенности в том, что все это украли, придает мне не столько количество пропавших шмоток, сколько количество моих друзей, у которых тоже было плохо с позициями.

Собрались мы, Маши-растеряши, на сходняк… Никто не кричал: «Ух, попадись только мне эта сволочь!». Посмотрев друг на друга и ясно представив себе перспективу смотреть весь отпуск на эти до блевотины милые лица, мы с ними, с этими лицами, вступили в предварительный сговор…

К чести нашей, должен заметить, что никто из организованного нами сообщества не предложил похитить недостающее у собратьев. Потерпевшим мы назначили того самого прапора.

Процедура сдачи барахла выглядела так… Перед дверью каптерки стоял стол, за которым с видом прокурора сидел наш завхоз. Каждый из нас подходил и вываливал на стол все из своего вещмешка, а он проверял, все ли на месте, и делал отметку в тетрадке.

Мы создали у его стола невозможную толчею, постоянно его отвлекали, и когда он не видел, тащили у него из-под носа вещи, которые он уже посчитал. А внутри каптерки один из наших помогал ему: раскладывал уже сданные мешки по полкам. Он тоже по мере сил выуживал, что нужно, из мешков и незаметно передавал обратно на волю, так что одна вещь могла быть сдана несколько раз. И поехали мы по домам, оставив его с недостачей. Но он, конечно, выкрутился. Прапор этот сам был тот еще ворюга. У меня, например, как-то штык-нож спер!

Стоял я на тумбочке. А дневальному на тумбочке (кто стоял, знает) положен штык-нож. Зачем – понятия не имею. Может, в случае внезапного нападения агрессора я должен был свою роту этим ножом защитить? Если так, то ничего глупее и придумать нельзя. Кого им можно зарезать? Короткий, широкий, тупой, как Советская Армия. Кончик лезвия закруглен - специально, чтобы бойцы сами себя не поранили. Больше похож не на оружие, а на молоток с зазубринами наверху. Какое-то внебрачное дитя серпа и молота. Тоже своего рода национальная идея. Я всегда был уверен, что когда пойду в рукопашную и соберусь проткнуть им врага, то враг облегченно подумает:

«Хорошо, что не прикладом!». То ли дело был штык у трехлинейки! Длинный, тонкий, страшный, запрещенный, как негуманное оружие, единственным недостатком которого было то, что если его во врага хорошенько засадить, потом не каждому бойцу под силу вытащить обратно.

Дневальный не только стоит на тумбочке. Пару раз за сутки он моет пол в казарме, причем никто не запрещает ему при этом раздеться до пояса или даже до трусов. Конечно, штык при этом лежит где-нибудь, например, на тумбочке. Ну, в самом деле, не станете же вы мыть пол в трусах с нацепленным поверх ремнем, на котором болтается штык в ножнах!

И вот тут-то этот прапор штык у меня и стащил. Типичная армейская шутка. Я говорю: «Тебе что, делать больше нечего? Отдай, мне ведь делом надо заниматься. Не до твоих дурацких шуточек!». А он: «Ничего не знаю! Не брал, Не видел…». И ведь выходит, что не прапор шутки ради спер у меня никому не нужную железку, а я, краснозвездный сокол, стоя на посту, прое…л вверенное мне Родиной оружие!

Все это, конечно, кончилось ничем, но обиду я на него затаил!

Где еще я брал, крал, спасал социмущество, экономил? Да где угодно! Взяли мы с другом Андрюхой как-то курицу у подъезда. Взяли, взяли. Не более. Выходим из моего подъезда, а на перилах сидит курица. Большая, белая, приятного такого телосложения. Бройлерного. Откуда взялась в центре Екатеринбурга, непонятно. У нее дало к вечеру, она на своих перилах уже задремала, а у нас с Андрюхой – к ночи. Мы как раз обсуждали, с кем выпьем, чем закусим…

-Андрюха! – говорю. - Она ведь до утра по любому не

доживет. Ее кто-нибудь съест…
Андрюха хоть и не служил ни одного дня в армии, отвечает, как заправский десантник:
-Никто, кроме нас!
Хорошая была курица. Резиновая – не разжуешь, большая, бесплатная. Дичь!

Где еще? Да много где! Всюду, куда забрасывала меня судьба, я крал, но при этом всегда считал себя патологически честным человеком. Не без оснований. Вокруг меня крали так, что я не крал, а так, подворовывал. А где я не крал? В министерствах, например. В думах, мэриях, деканатах. А жаль! Но что поделаешь? Таких честных, как я, туда не берут.

Хотя там-то уж точно не воруют. Берут. Какое это воровство? То, что они берут, и без них все равно кто-нибудь возьмет. Оно не выживет до утра, как та курица.

Как сделать так, чтобы они, руководя народом, который без воровства жить не может, могли не красть? У них самих на этот счет родилось только одно предложение. Если дать им столько, что они не смогут потратить, то красть будет незачем. Логично, вроде, но… В одном из летных училищ произошла история с хлястиками. Я специально не стану уточнять, в каком именно…

У каждой шинели есть хлястик. Сзади, на пояснице, пристегнут на две пуговки. Когда он пристегнут, то шинель – одежда, а если отстегнуть, то одеяло. И вот пошла в том училище эпидемия: все стали эти хлястики друг у друга тырить. Повесил вечером шинель с хлястиком – все! До утра он не доживет. У каждого в чемодане этих хлястиков штуки по три - четыре, а эпидемия не прекращается. Мучились так год, другой… Наконец, командир роты раздобыл где-то целый мешок хлястиков. Построил

роту, поставил перед ней мешок: «Вот! Тут столько, сколько вам за двести лет не потратить!». Мешок опустел, воровство закончилось. Но лишь на два дня. Потом все вернулось на свои места, с той лишь разницей, что в чемоданах их теперь было по десять, по двенадцать…

Тот, кто рассказал мне эту историю, был крайне удивлен, когда я ему сказал, что в нашем училище хлястики не воровали. Уже будучи зрелым офицером, он не мог понять, как это можно учиться в летном училище и при этом не красть хлястики.

Хлястики, конечно, случай частный. Но есть и более общие примеры. Как, например, можно не красть налоги, в смысле, платить их полностью? Все налоги, которые мы Родине принесем, в конечном счете все равно растащат. Выходит, их платить глупо? Ну да, конечно! Чем зарабатывать на то, чтобы кому-то было что украсть, лучше уж побездельничать.

Или электричество. Решил я как-то прекратить красть электричество. Это еще в первый раз. И рассказал об этом друзьям. Я думал, они скажут: «Киря! Ты такой честный!!!». А услышал: «Мы думали, ты дурак. А ты дурра-а-а-ак!!!».

Откуда мы такие? Из СССР, конечно. Это там в нас была заложена программа: «Не будь дураком, укради! Красть у Родины хорошо, правильно, справедливо! Сколько ни своруй, она у нас все равно больше украла». Возможно ли удалить такую программу?

Спроси любого иностранца, кто такие русские, чем занимаются? Пьют, бездельничают, воруют… Перебить бы всех, да как? Они ведь еще и не сдаются!

Я не предлагаю сдаться. Бросить пить и бездельничать – тоже. Это дело хорошее. А вот красть… Представляете, с гордостью сказать: «Русские не воруют!». Это спокойно тянет на национальную идею! Не знаю, правда, как ее реализовать. Даже с чего начать реализовывать, не знаю. Отрубать руки? Не сдадимся! Всероссийское общество анонимных воров? «Я - Кирилл Аваев. И я – вор!». Тоже не поможет. После фразы «Я - алкоголик» обычно пьют не меньше, а больше, так как перестают стесняться.

ЛИЦО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Директор фирмы «СЧИН» Виктор Петрович Жуйко понравился Бориске сразу. Во-первых – лицо. Бесконечно доброе, не прекращающее улыбаться, излучающее искренний интерес к собеседнику. Во-вторых – обходительность. Хоть и был он директором, но вел себя с Борей запросто. Усадил его за свой директорский стол с той стороны стола, где сидел сам, налил чаю, пододвинул конфетки:

- Значит, хочешь работать! Должность менеджера направления тебя устроит? Мне как раз несколько менеджеров не хватает: фирма все время расширяется. Ну, так как?

- А что делать надо? Какое направление?

- Выбирай: изготовление печатной продукции, магазин, строительство, сельское хозяйство. Я бы посоветовал тебе заняться сельским хозяйством. Ты в хозяйственных работах, мелком ремонте понимаешь? Ну вот, значит, тебе это близко. Приходи завтра с документами, будем оформляться.

«Приятный мужик», - думал Бориска, идя домой в прекрасном настроении. А какое может быть настроение у человека, устраивающегося на работу менеджером направления в фирму, где главный босс – брат подруги мамы, то есть почти что близкий родственник. Мама рассказывала, что Жуйко – человек непростой судьбы. Сидел, так как являлся идейным борцом с совдеповской системой: выписывал липовые больничные, будучи доктором в поликлинике. Выход его на волю совпал с развалом системы, и теперь у него на этих развалинах собственная фирма, постоянно занимающаяся благотворительностью. В фирме всегда полно страждущих и убогих. Жуйко их трудоустраивает, помогает, чем может, а они, облагодетельствованные им, день и ночь молятся о процветании фирмы. Вот она и процветает.

На следующий день Виктор Петрович познакомил Бориску с персоналом, представив его, как менеджера сельскохозяйственного направления. Затем опять пригласил в свой кабинет и заговорил о делах. Во-первых, чтобы работать менеджером направления, надо было получить профессию менеджера. Получить недостающее Бориске образование можно здесь же, на курсах фирмы «СЧИН». Всего десять дней занятий, и недорого, сумма вполне подъемная. Можно считать, что даром – в других местах за такое же образование берут в несколько раз больше. За месяц работы менеджером Бориска эту сумму легко отработает. Доверие к приятному почти что родственнику было безграничным, Бориска быстренько подписал все бумаги, и, так как до завтрашних занятий делать было нечего, согласился помочь фирме, чем может, – починить текущий кран в туалете.

Назавтра Бориска пришел в офис пораньше, передал боссу деньги, одолженные вчера у соседей, и занял место за партой посреди аудитории. Вскоре подтянулся и остальной «менеджмент».

Первой пришла бабуля с палочкой. Маленькая, горбатенькая. Она зашла в класс мелкими шажочками, медленно оглядела все вокруг через толстенные очки и с трудом, опираясь на палочку и парту, села на ближайший к двери стул. Здороваться с Борей она не стала - наверное, берегла силы. А может, просто его не заметила.

Вторая бабка была не более новой, но гораздо более живой. Она проскакала сквозь класс, стуча каблуками, как конь копытами, громко сказала «Здравствуйте!» и села за первую парту. Еще две подошедшие бабули по скорости передвижения и производимому при этом шуму занимали среднее между первыми двумя положение. Когда вся группа была в сборе, появился и Жуйко.

- Господа! – обратился он к присутствующим и выдержал паузу, дожидаясь, пока у господ распрямятся позвоночники и поднимутся плечи. – Сегодня мы с вами приступаем к обучению по программе подготовки менеджеров! – И после такого короткого вступления сразу перешел к обучению: - Открываем тетради и записываем: «Основные термины и понятия». Цифра один римская, тире. Бизнес, двоеточие. Предпринимательская, коммерческая или иная деятельность, которая не противоречит закону и направлена на получение…

Дверь класса открылась, и веселый молодой голос спросил:

- Можно?

Слушатели, все, кроме горбатой бабушки, обернулись к двери. В дверях стоял высокий парень с улыбкой до ушей на круглом лице, с веселыми ямочками на пухлых щеках и легкомысленными белыми кудряшками: простоват и наивен, как водевиль.

- А! – прервал Виктор Петрович лекцию. - Матушкин! А я уж подумал, что ты передумал и не придешь. Заходи, присаживайся куда-нибудь.

До обеда Виктор Петрович, иногда делая пятиминутные перерывы, все время повторяясь, чтобы, не дай Бог, какое-нибудь сказанное им слово осталось не законспектированным, диктовал определения, а слушатели боролись со сном: «Маркетинг – организационная функция и совокупность процессов созидания, продвижения и предоставления продукта или услуги покупателям и управление…». «Франчайза – смешанная форма крупного и мелкого предпринимательства, при которой крупные корпорации, франчайзеры, заключают договор с мелкими компаниями на право…». Первой пала бабка с палкой. Она повалилась на спинку стула, свесила голову набок, отвалила челюсть и стала громко сопеть. Следом отрубилась бабка-конь. Она роняла голову на грудь, выпускала из руки ручку и спала так пару минут, затем вздрагивала всем телом, произнося на вдохе громкое «гы!» - так, что и стул ее, и стол с грохотом сдвигались с места, трясла головой и начинала быстро писать, но вскоре засыпала снова. Увидев, что лектор не имеет ничего против спящих под его лекцию господ, Бориска со своим сном воевать не стал. Подперев голову кулаком и вставив ручку между пальцами, чтобы она была в вертикальном положении, он уснул, и не узнал когда уснули и что делали во сне еще две бабули и Матушкин. Бориска смотрел сон. Сон был про деньги. Он видел ряды теплиц, простиравшиеся до горизонта. В теплицах толстенные ветки трещат под натиском висящих на них алых помидоров, а принадлежат эти помидоры… Ближняя к Бориске теплица, как и помидоры в ней, принадлежит Бориске. Следующая – тоже. И следующая, и следующая, и еще, и еще… Там, вдалеке где-то, Борискины теплицы заканчиваются и начинаются теплицы фирмы «СЧИН», и Бориска смотрит вдаль, пытаясь понять, где же граница между его и Виктора Петровича владениями. Это непросто, так как граница далеко. Так далеко, что в том месте, где она проходит, теплицы сливаются в одну большую стеклянную поверхность. Деньги… Какие большие деньги! Какая разница, где та граница?! Там она, или еще на сто теплиц дальше –

денег Бориске все равно хватит. Настолько хватит, что о них можно вообще никогда не думать. А Бориска ведь деньги не любит. Не в смысле: «Да не люблю я эти деньги, глаза бы мои эту гадость не видели!», а в смысле: «Ладно уж, посмотрю на них, хотя любви к ним и не испытываю». И все же, сколько тут? Сколько Борискиных теплиц, сколько денег? Если сосчитать теплицы, то можно будет посчитать и деньги. Для Бориски это легко – он ведь менеджер. Он начинает считать. Одна, две, три… Двадцать, тридцать… Там, где теплицы начинают сливаться, он сбивается. «Ну и ладно! – думает он. Какая разница, сколько? Главное, что хватает!». Но спустя какое-то время снова начинает считать. Двадцать, тридцать, тридцать восемь… Опять сбился. Его уже бесит это занятие, но остановиться он не может. Ему уже надо точно знать, сколько. Двадцать, тридцать, сорок…

Перед обедом, когда Бориска, вероятно, как и менеджеры других направлений, готов уже был смириться с тем, что деньжищи его так никогда и не смогут быть учтены, босс разбудил всех радостным известием:

- Ну, что, господа! Хочу сообщить вам, что мы сегодня очень хорошо продвинулись по программе! Поэтому завтра занятия начнем попозже: в одиннадцать. Нет, даже в полдвенадцатого. А сейчас все могут быть свободны. Напоминаю тем, кто еще не сдал или сдал не полностью деньги за обучение, что рассчитаться надо срочно. Хронические неразрешимые проблемы с деньгами? С периодическими обострениями? Бывает, бывает. Готов пойти навстречу и принять в качестве оплаты драгоценности, ценные вещи, оргтехнику. До свиданья. Боря, зайди сейчас ко мне в кабинет.

В кабинете Виктор Петрович опять усадил Бориску со своей стороны стола, опять чай, опять конфетки:

- Молодец! На лету все схватываешь, не то, что остальная

группа. Отстой! Что тебе с ними время терять? Давай завтра, с самого утра, поедем на твое направление?

- Хорошо.

- Приходи к офису в полвосьмого. А, может… Ты сегодня что делаешь?

- Да так, ничего.

- Пойдем ко мне, посидим, поболтаем по-свойски?

- Согласен.

- Давай прямо сейчас и пойдем. И вот эти сумки прихватим.

Сумок было пять. Не очень тяжелые, но большие и неудобные. «Наверное, тряпье какое-то», - подумал Бориска: в подвале жилого дома, где размещалась фирма, были еще помещения, где, судя по звукам, все время что-то шили. Жил босс в полукилометре от офиса. Когда они дотащили сумки до его квартиры, босс попинал дверь и подождал, пока жена ее откроет. Бориска, увидев его жену, удивился. В свои двадцать пять он еще не успел решить, как должна выглядеть его собственная будущая жена, но кажется, точно знал, какой она быть не должна. Про то, какой должна быть жена бизнесмена, он еще не думал вовсе, но, видимо, тоже точно представлял, какой она быть не должна, а жена Жуйко как раз так и выглядела. Нелепо: сама толстая и немолодая, глазу не за что зацепиться, но мощно накрашенная, завернутая в жутко цветастый блестящий халат, в огромных, тоже цветастых мягких тапках и непомерно больших серьгах. Увидев Бориску, она поспешила поднять свои пухлые пальчики почти к самому лицу и сжать их в кулачки, чтобы засияли во всей красе надетые на них перстни.

- Здравствуйте! – расплылся в счастливой улыбке Бориска.

- Знакомьтесь! – сказал Виктор Петрович. – Это Борис, наш новый управляющий сельским хозяйством.

- Очень приятно познакомиться. А я – Нелли Васильевна, – засияла в ответ жена Жуйко. – Ставьте сумки, Борис, снимайте туфли и проходите. Бориска снял кеды и прошел в залу, а хозяин удалился в другую комнату, где сменил пиджак и галстук на халат - еще более цветастый и сверкающий атласом, чем у жены, - и надел мягкие тапки.

- Присаживайся, – сказал он Боре. - Сейчас перекусим.

Нелли Васильевна включила бра на стене и выключила верхний свет. Несмотря на то, что был день, шторы были плотно задернуты. Они были из яркого бархата и такие плотные, что окно за ними даже не просматривалось. Устроив в комнате полумрак, она принялась накрывать на стол. Перед мужчинами появилась початая бутылка «Наполеона», маленькие серебряные рюмочки с выгравированными на них цветочками на таком же, серебряном с цветочками подносике. Следом хозяйка принесла кусок холодного мяса размером с половину футбольного мяча. У Бориски, ничего не понимавшего в деликатесах, всплыло в мозгу слово «буженина», хотя он и не знал, чем буженина отличается от ветчины или, скажем, от карбоната.

- Сами варим! – по-барски рассевшись в кресле похвастался Виктор Петрович. – А вот эти коньячные рюмочки - обрати внимание - девятнадцатого века!

Конечно, после серебряных рюмок не могли не появиться серебряные ножи и вилки. Из еды, кроме коньяка и мяса, на столе был еще порезанный лимон и какие-то приправы в мелких плошках с крышечками.

- Пью процветание нашего бизнеса! – провозгласил Виктор Петрович и процедил сквозь зубы свой коньяк. Так же сделала и Нелли. Боря тоже выпил, стараясь сделать это как можно медленней, а не глотком, как привык, хотя в рюмочке

девятнадцатого века помещался даже не глоток, а так, только зубы попачкать.

- Как? – спросил его босс, когда Бориска закусил лимончиком.

-Да-а-а! – закивал Боря, хотя в коньяках понимал еще меньше, чем в буженине.

Бориска неловко чувствовал себя на этом изысканном обеде. Ножом и вилкой он орудовать умел, но с окружающим величием несколько не гармонировали его застиранная рубашка и дырявые носки. Носки он, конечно, засунул под стол, но запах доходил и оттуда. Видя, что сцена «обед бизнесмена» произвела на Бориску нужное впечатление, Виктор Петрович сказал:

- Вот, Борис! – Он обвел жестом натюрморт на столе, шторы, резной шкаф и перстни на руках Нелли Васильевны. – Так и живем среди антиквариата. И вот что хочу я тебе сказать: чтобы добиться успеха в жизни, надо запомнить одно простое правило. Знаешь, какое?

- Нет. – сказал Боря, приготовившись услышать нечто очень важное, во что Виктор Петрович посвящает не всех своих многочисленных учеников, а только самых одаренных почти что родственников.

- Главное в нашем деле – порядочность! Надо всегда быть честным. А почему?

- А как без этого?

- Неправильно! Это мамочки рассказывают глупым своим детишкам, что врать и красть нехорошо, некрасиво, а быть честным – морально, порядочно и человечно. Это все сопли и слюни, это не работает! Честным быть не человечно, а выгодно! Только усвоив эту простую истину, можно стать настоящим бизнесменом. Запомни это. И вот еще что: надо будет тебе инвалидность оформить!

- Инвалидность?

- Ну да. У нас же все в фирме инвалиды. И я, и Нелли Васильевна тоже. Не знал? «СЧИН» - это же «счастливые инвалиды». В этом смысл. Нас бандиты не трогают. Машину мою видел? Нет? Ну, завтра увидишь. На такой машине я ни бандитов ни ментов не боюсь! А так как в фирме все инвалиды, то мы налогов вообще не платим.

- Так какая мне инвалидность, я же тяжело здоров!

- Ничего, мы это поправим. – засмеялся Виктор Петрович. – У меня есть знакомый доктор, он какую группу надо, такую и нарисует.

Утром Боря, как и договорились, пришел к офису, а вскоре подъехали и босс с женой. Машиной, в которой не страшны ни менты, ни бандиты, оказался синий «Запорожец», все стекла которого, даже боковые, были уклеены множеством знаков «инвалид». На крыше имелся багажник, к которому были привязаны костыли, причем не по ходу движения, а поперек, и не лежа на багажнике, а на ребре - так, что спереди издалека было видно, что это именно костыли, а не какие-нибудь доски.

-Видал?! – весело спросил Виктор Петрович. – Инвалидский «Запор» и так почти не останавливают. А привинтил костыли – вообще никогда!

Всю дорогу он и его жена рассказывали истории про свою машину и сами от души смеялись над своими рассказами, и Бориска, вместо того, чтобы поспать под монотонное урчание мотора, вынужден был делать вид, что тоже веселится.

Приехали. Деревня, рядом – железнодорожная станция: маленький вокзальчик и водонапорная башня. Участок, недостроенный двухэтажный дом, брусовые стены с торчащей из них и развевающейся на ветру паклей, крыша, окна. Всего остального, положенного жилому дому, нет. Ни ворот, ни забора, ни будки с собакой.

- Неплохо, жить можно. – сказал Бориска, который по молодости спартанские условия еще предпочитал комфортным. – А поля далеко?

- Какие поля? – не понял Виктор Петрович.

- Ну… Поля, земли, гектары… На которых сельскохозяйственный бизнес делать будем.

- Боря! На гектарах только колхозники работают, потому и нищие. Настоящий бизнесмен берет не гектарами, а технологиями. Эффективностью! Вот! – Он обвел свои шесть соток широким медленным движением руки, каким вчера обводил буженину, шторы и золото жены. – Вот здесь и будет твой бизнес! Ты должен подумать, как эффективно использовать всю эту землю. Может, это будет птицефабрика? Или теплицами все застроить? А может, шампиньоны? Думай, твори, все в твоих руках! Съезди в библиотеку, почитай, что и как выращивают. Или вот! Один мой знакомый купил голландскую картошку. Вот такие маленькие растения в пробирках. На следующий год у него вырастет из этих пробирок посадочный материал. А потом… Там у этой голландской урожайность знаешь какая? Обалдеть! Ладно, ты думай, а пока думаешь, надо крыльцо соорудить, будку для собаки и какой-нибудь сарайчик: на днях будем мотоблок покупать, чтоб он не на улице жил. Буржуйка в доме рабочая, дрова есть. А мы поехали, мне надо лекции читать. Приеду вечером – еще поговорим. И еще одно дело к тебе есть.

«Запор» упылил. Бориска стоял посреди своих владений и уныло пытался соединить в одно целое собственную картину мира и ту, что только что нарисовал ему Жуйко. Они не соединялись, как он ни старался. Они с боссом договорились, что Бориска как нанятый управляющий будет забирать себе десять процентов прибыли. С шести соток это будет сколько? Мешок картошки? В год. Или два ведра шампиньонов? А может, три курицы? Или даже четыре. Бориска почувствовал, что сзади на него

смотрят. Обернулся: так и есть, сосед из-за забора.

- Здрасьте! – кивнул Бориска.

- Здрасьте, здрасьте. Новый управляющий?

- Ну… Вроде.

Боря подошел к ограде и просунул руку между штакетником:

- Боря.

- Ваня. Ну? Как первое впечатление?

- Да не знаю. Говорит: «Бизнес, бизнес…» А где тут бизнес? Какой бизнес может быть на двух грядках?

- Ну, не скажи. Когда управляющие все это достроят, сделают все удобства и посадят огород, Жуек все это продаст. Вот тебе и бизнес!

- Какие управляющие?

- Такие, как ты. Тут до тебя знаешь, сколько их побывало? Приедет следующий, поработает неделю – другую, пока поймет, что к чему, и пошлет Жуйка подальше. А домик растет. До тебя был Валера. Молоденький мальчонка. Я ему говорил, да он не слушал. Месяц перегородки в доме и лестницу на второй этаж строил, все ждал, что Жуек ему заплатит. А когда не дождался – лестницу топором порубил да уехал. Обещал и костыли с багажника об голову ему сломать, да обманул. А жаль, надо было.

Теперь с картинами мира у Бориски все стало нормально. Сперва он решил вообще не идти в дом, но потом все-таки зашел: специально, чтобы посмотреть на порубанную лестницу. «Да-а-а!» - только и сказал он, увидев, сколько сначала труда и терпения, а потом злости вложил предыдущий управляющий в свое творение. Поперек каждой ступени, прямо посредине, был прорублен треугольный желоб почти на всю толщину и по этим желобам все ступени и были напополам сломаны. Толстые балясины с элементами резьбы были выбиты и поколоты на щепу, а перила подрублены посредине, как будто их грыз бобер, и тоже сломаны. «Если так пойдет, то и строительный бизнес у Жуйка не задастся»,

- подумал Бориска. Он вышел на улицу, закрыл дом и стал думать, как добраться до города. Хотел спросить у Вани, но его во дворе не оказалось, а Ванин пес добродушно смотрел на подошедшего к ограде Бориску, помахивал хвостом и никак не хотел звать хозяина. Тогда Боря сходил на вокзал и почитал расписание электричек. Оказалось, что ближайшую надо ждать полтора часа, а до города она идет еще два. Решил ждать Жуйка и ехать домой на «Запоре». Вернулся к дому. Ваня был во дворе и, увидев Борю, позвал его пить чай. А после чая Боря, взяв у Вани удочку, порыбачил в речке неподалеку, поймав пару рыбешек Ваниной кошке. Скоротав таким образом день, встретил вечером Виктора Петровича.

Приехав ближе к вечеру, Жуйко вышел из машины и сказал Бориске, чтобы тот взял в доме у входной двери связку веревок и две пары перчаток, а сам стал отвязывать от багажника костыли.

- Зачем? – спросил его Бориска.

- Тут недалеко шпалы лежат, надо взять. Новые шпалы, никто не охраняет. Сейчас поедем, штук пять-шесть на багажник бросим…

- А с «честным быть выгодно» как же?

-Это тот случай, когда невыгодно. А вообще, «честным быть выгодно» - это только половина главной заповеди. Вторая ее половина: «украсть – так миллион!»

- Шесть шпал – миллион?

- Разные они бывают, миллионы. Все люди разные, и миллионы у них – тоже. Ну ладно, не умничай. Поехали!

- Я не поеду за шпалами.

- Почему? – Жуйко, прищурившись, посмотрел на Борю, - Что за чистоплюйство?

- Вам надо… Вот сам и воруй свои шпалы!

До города ехали молча. Вылезая из машины, Бориска сказал:

- За трудовой зайду завтра. Напишите мне «по собственному».

-Там еще и «принят» не написано.

-Вот и чудненько!

Наутро, когда Бориска пришел в кабинет к Жуйко, тот предложил ему сесть с другой стороны стола и конфеток не предложил:

- Так, Борис… Вот твоя трудовая, вот твой диплом менеджера. Распишись в получении тут и тут.

- Я рассчитывал, что вы деньги вернете.

- Какие деньги?

- За обучение, которого не было.

- Нет. У нас все честно! - улыбнулось лицо российского бизнеса. - Ты заплатил - я, в соответствии с нашим договором, предоставил услуги в сфере образования. Поздравляю тебя от всей души с освоением профессии менеджера! Теперь тебя вот с этим дипломом, выданным «СЧИН», с руками и ногами возьмут менеджером в любой точке СНГ! – Жуйко обвел привычным жестом висевшую на стене позади него карту Советского Союза.

Выйдя из кабинета и закрыв за собой дверь, Бориска столкнулся с Матушкиным, который, как всегда, улыбался.

- Ты что такой счастливый, менеджер?

- Да вот, деньги собрал для Виктора Петровича за обучение.

- Пошли-ка на улицу, покурим.

- Я не курю.

- Я тоже. – Боря вытащил Матушкина из офиса за локоть. – Ты менеджер какого направления?

- Реализация. Виктору Петровичу как фирме инвалидов

администрация района выделила сквозной подъезд дома. Мы теперь этот подъезд перегораживаем пополам, и в той половине, которая выходит на улицу, будем строить магазин. Я там буду реализовывать продукцию фирмы: то, что они здесь шьют, то, что ты на фазенде вырастишь.

- Я – не выращу.

- Ну ладно, я пошел, - улыбнулся Матушкин.

- Да постой ты! Послушай! Ты еще деньги Жуйку не отдал?

- Нет.

- А трудовую книжку?

- Нет. Вот сейчас отдам и трудовую, и деньги.

- Не ходи ты больше к этому инвалиду!

- Как? Я же деньги должен! – Он похлопал себя по карману. – А бизнес?

- Вот это, - Бориска кивнул на карман, - и есть его бизнес.

Бориска рассказал Матушкину про фазенду, про первую заповедь бизнесмена, про вторую часть этой заповеди. Когда Матушкин увидел Борискин диплом, напечатанный на какой-то открытке, его ноги сами стали шагать прочь от инвалидского офиса. Про порубанную лестницу и шпалы он выслушал уже по дороге.

СВЯТОЕ ДЕЛО

Прошел год, а, может, чуть больше. Бориска ехал по городу на «Запорожце». На красном, «горбатом», своем собственном. Вдруг, когда он дал газу, чтобы успеть куда-то проскочить, сзади, из мотора, послышался грохот, словно полмотора отпало, и «запор» встал посреди улицы, хоть Боря и топтал изо всех сил педаль газа. «Ах ты ж «горбатое» отродье!» -

обругал Бориска нелюбимую машину и стал думать, что бы это могло быть. По всему выходило, что мотор не просто заглох. Его заклинило.

В последующие за этим полмесяца он в деталях изучил проблему при помощи руководства по ремонту и советов соседей. Теперь он уже знал не только, что такое коленвал, но и каких размеров бывают ремонтные вкладыши, сколько стоит расточка вала и куда нужно подложить золотинку от шоколадки, если расточку эту сделают плохо. Подковавшись теоретически, он начал первый в своей жизни ремонт автомобиля. Прямо во дворе. Борискин дом, или «Карфаген», как он и другие обитатели называли его, – старая разваливающаяся шлакоблочная восьмиквартирка. Остатки штукатурки на доме, обнажившаяся блочная кладка и дыры в шлакоблоках образуют довольно отчетливую картину «развалины старинной крепости». Между «Карфагеном» и близлежащими сараями - просторный двор, где прошло Борискино детство и где может разместиться на ремонт множество «Запорожцев».

Новичкам, как известно, везет. А Бориске в тот раз повезло просто несказанно: серьезный ремонт с полной разборкой, расточкой и подгонками его мотору не понадобился, так как у него просто отвалился маховик, который у «запорожцев» держался хоть и на очень большом, но на одном-единственном болте, который у Бориски почему-то открутился. Собрав быстренько все обратно, Бориска завел свой автомобиль, сделал на нем круг по двору, вылез из машины и сказал громко: «Да я же мастер!». А потом, подумав, добавил: «А мастеру нужен автосервис. Свой, собственный!». И вскоре он его открыл, дав объявление в газету: «Ремонт иномарок. Опытный мастер по двигателю, ходовой и электрике».

Только вышло объявление, как сразу же пришел и первый заказ: у старого-старого «Ауди», только что привезенного с немецкой помойки, надо было починить изношенный диск сцепления, купить который в ту пору было просто негде.

«Ауди» жил в капитальном гараже, где Бориска и начал его ремонтировать. Здесь же трудились жестянщик, выправлявший капот и крыло, электрик, пытавшийся что-то сделать с замком зажигания, из которого никак не хотел доставаться отломленный ключ, и две женщины, пытавшиеся облагородить засаленные сиденья. Сперва был еще специалист по пластмассе, но, не выдержав такой скученности работающего народа, он увез пластмасски, которые чинил, к себе домой. Владелец «Ауди», или «Аудист», как прозвали его Бориска и другие работники, приходил к любимой машине каждый день к семи вечера, причем они должны были к этому времени навести в гараже порядок. Требование к каждодневной уборке Аудист мотивировал тем, что «сегодня опять люди приедут». Кто были эти приезжавшие каждый день люди и зачем они сюда приезжали, не пояснялось. Но однажды он приехал в гараж днем и потребовал, чтобы порядок навели немедленно, так как люди приедут прямо сейчас.

Люди, приехавшие к нему, оказались его знакомыми, которых он пригласил, чтобы похвастать своей «новой» машиной. Для знакомых это, видимо, была первая иномарка, которую можно было потрогать руками и даже посидеть за рулем хоть и на драном, но импортном сиденье, глядя на битый, но не «жигулевский» капот. Гости благоговейно осмотрели машину, все потрогали и пощупали, после чего спросили: «Ну, а тебе-то самому как машина?». Владелец, нисколько не смущаясь того, что на ходу он свою машину еще ни разу не попробовал и неизвестно, когда попробует, счастливо закатив глаза к потолку, закрыл их, выставил вперед

нижнюю челюсть, как горбуша во время нереста, и, медленно водя ею влево-вправо произнес слово, ради которого, наверное, и приглашал сюда всех своих знакомых: «За-ши-бис-с-сь!».

Бориска закончил свою часть работы раньше всех, получил деньги, но другой работы у его автосервиса не было. Аудист имел хоть и не очень теплый, но все-таки гараж, в котором можно было работать. Больше таких удобных клиентов Бориске почему-то не попадалось.

Как-то раз он брел домой из магазина и рассуждал о насущных проблемах своего автосервиса. Автосервису срочно нужно было отапливаемое помещение. «А где его взять? - думал Бориска. – Все помещения в данный исторический момент принадлежат бандитам. У них, у бандитов, что ли, попросить?» Бандитов он не боялся, поскольку двое его знакомых имели с ними дело, и ничего. Ни того, ни другого даже ни разу не побили. Борискин сосед Вовка варил решетки на окна в бандитском предприятии. В соседнем районе, самом бандитском из всех районов города, ажиотажным спросом пользовались решетки на окна. И вот бандиты, для защиты от которых, собственно, и предназначались решетки, организовали цех по их изготовлению. Сосед Вовка, когда хотел подхалтурить, приходил туда и выполнял какой-нибудь заказик. Работать у бандитов ему нравилось: никаких задержек зарплаты, не то что в остальной экономике, и Вовка называл их не иначе, как «благодетели мои, что бы я без них делал!». Один раз он и Бориску с собой брал в качестве подмастерья, Бориске тоже такая работа понравилась, но вскоре в теленовостях сообщили, что всех их благодетелей поубивали другие благодетели. Еще был Матушкин, у которого тоже было знакомое жулье, которое он называл «крыша», но где он теперь, тот Матушкин? Как-то раз, вскоре после их знакомства в инвалидной фирме, он приходил в гости к Бориске. С ним был разодетый во все

военное казачий атаман с закрученными кверху усами, да и сам Матушкин был в какой-то папахе. Рассказал, что теперь он – казак. На днях уезжает вместе с атаманом то ли в Сочи, то ли в Анапу и будет помогать ему налаживать там казачье дело. А к Бориске они зашли, чтобы позвать его с собой. Там, на юге, и ему дело найдется. Бориска отказался, Матушкин уехал. Сколько уж прошло?.. И вот Бориска шел из магазина домой и ругал самого себя: «Бориска, Бориска, как же ты так? Зима на носу, деньги от «Ауди» на исходе, а ты до стольких лет дожил, ни одного бандита не знаешь!»

Подойдя к «Карфагену», он обнаружил старый потрепанный «Опель», перегородивший въезд во двор, и трех молодых парней в спортивных костюмах, громко ржавших рядом с ним. У каждого в руке была банка пива, а у одного, еще и огромная труба радиотелефона. «Больше встать было негде!» - подумал Бориска, хотя лично ему их автомобиль не мешал.

-Э-э-э! – прокричал ему один из парней. - Не знаешь, где тут поблизости автосервис?

- Знаю. У меня автосервис. Тут, во дворе. А что такое?

- Да вот… - Парень пнул колесо «Опеля». - Ехал, ехал – заглох!

Узнав, что в Борином автосервисе, кроме собственно Бори, ничего нет, новые клиенты отказались толкать свою машину во двор:

- Чини прямо здесь.

- Так она же здесь проезду мешает.

- Объедут!

Бориска принялся за работу. Он быстро определил, что причиной всему – топливный насос, и, принеся из багажника своего «Запора» ключи, снял его и начал разбирать. Троица, попивая пиво, стояла у него за спиной и молча наблюдала за его работой.

- Ну, вот и причина! – весело отрапортовал Боря, показывая им рваную мембрану.

Бориска взял у того, что был с телефоном, немного денег и пошел в ближайший автомагазин, чтобы купить там что-нибудь от отечественных автомобилей, чем можно было бы заменить опелевскую мембрану. Замена нашлась. Когда он вернулся обратно, то увидел, что к «Опелю» прибавились еще две «Тойоты» и «девятка». Народу тоже сильно прибавилось: вокруг машин, перегородив улицу, гудела небольшая толпа. Толпа напоминала встречу участников студенческого стройотряда после двадцатилетней разлуки: они обнимались, матерились на всю улицу и ржали. Отличие было, пожалуй, только в таре с пивом: студенты в то время пили его все больше из бутылок, тогда как эти ребятки признавали исключительно баночное: банка с пивом еще не могла быть не импортной и не дорогой. Эти банки были везде. У каждого в руках по банке, а у некоторых и по две. Когда надо было обниматься, они это делали той рукой, в которой была закрытая банка, а руку с открытой отводили в сторону, чтобы не облиться. Несколько пустых банок уже валялось на дороге, и количество их росло, о чем свидетельствовал часто повторяющийся характерный звук, рождающийся при ударе пустой алюминиевой банки об асфальт. О том, что количество это продолжит увеличиваться и дальше, свидетельствовал часто повторяющийся характерный звук открываемой банки.

Бориска протиснулся между обнимающимися после долгой разлуки и стал, стараясь не отвлекаться на происходящее вокруг, вырезать из отечественной мембраны то, что было нужно «Опелю». Толпа вокруг гудела. Хозяин «Опеля» стоял неподалеку:

- Брателло! Как житуха?
- Жив пока.
- Это тебе тут машину чинят?
- Ну да.
- И давно?
- А что?

- Да мне тут один баклан чинил… Я полдня ждал, пока починит, а потом смотрю - мне уже ехать надо. Короче, в лес увезли…

- Да я тоже одного в лес увез. Он мне салон чистил, а под сиденьем не убрал. Там «зайчики» белорусские набросаны были.

- А я еще одного увез… Водилой у меня был, ваксу в ларьки возил. Ну, помнишь, у меня ларек был возле вокзала? А он как-то на работу не вышел. Я говорю: «В репу захотел, ушлепок?» А он: «Я тебе не водила, а жулик!». Прикинь! А этот что?

Бориска, который уже изготовил мембрану и начал собирать насос, почувствовал, что на него показывают пальцем.

- Что? Говорит, что починит.

- Гонит, поди?

- Гля, как работает! Чисто творит! Смотри, лицо какое!

- Да он святой! Все они святые, пока творят. А как сотворят, так и не знаешь, в лес везти или тут заколбасить. Святые – это мы! В натуре, братишка, нагрузить кого - это что? Не святое дело?!

- Нет базара!

- А эти святые, - оратор опять показал пальцем на Бориску, - бабосы не сосут, потому, что очкуют. А если маза есть, так и закосят и обуют, стопудово! А потом язвы выпучит: «Не я!». Кидают все. А мы – самые честные. Я, если у кого что отжал, то так и говорю: «Я!»

- Эй, мастер! Заведется?

- Должна. – серьезно ответил Боря.

- А что там было?

Бориска повернулся к компании и начал нудно объяснять про мембраны и насосы. При этом его правая рука с раскрытой ладонью двигалась вверх и вниз в такт речи, как бы обозначая начало и конец каждого предложения.

- Э-э-э! Братишка! Ты как руку-то держишь! Вот как надо. Ну-ка сделай!

- Да зачем?

- Руку вытри. Вот так ее в локте согни, а пальцы расслабь. Потряси, потряси… Вот, пальцы расслаблены. А когда расслаблены, то немного согнуты. Теперь большой палец вверх. Это много. Вот, теперь указательный во внешнюю сторону, тоже немного. Нормально. Мизинец в расслабленном, как и был. Тот, что выше мизинца, согни чуть больше, а следующий – еще чуть больше. А теперь пошевели вот так. Нет, рука на месте, движется только кисть. Да, так. А теперь - двумя руками. О! Реально мастер. Ну, долго там еще?

- Минут пятнадцать.

Ребята оставили Бориску в покое и пошли общаться в гущу перекрывшей дорогу толпы. А он, закончив сборку и подкачав бензин, сел в машину и повернул ключ. «Опель» завелся, как новый. Подошел улыбающийся хозяин машины:

- Канолевый кабан, в натуре! Сколько бабок?

- Три штуки, - ответил Бориска, который не знал, что «канолевый кабан» на современном русском означает «новый «Мерседес», а не «знатный автомастер».

- Это у тебя что за цены такие?

«Видать, нагрубил…» - с грустью подумал Бориска и сказал:

- Нормальные. Могу еще подешевле.

- Как тебя?

- Боря.

- Так вот, Боря! С такими ценами у тебя вот эта курточка сносится, а новую купить уже не на что будет. На «пятихатку», и не обижай себя больше. А мы к тебе обращаться будем, чуть что, с машиной. В этом доме живешь? Какая квартира?

- А бокса под автосервис у вас, случайно, нет?

- А че! Порешаем! Цикани мне завтра, пиши номер…

СОСЕДИ

На окраине Старососновска, прямо перед лесом, есть улица Сосновая. В середине улицы, в трех стоящих рядом новых деревянных домах живут три неразлучных соседа: Коля правый, Коля левый, и между ними – Серега.

Лет пять назад, когда Коля левый строил свой дом, дома Коли правого и Сереги уже были. Это были дома известного в Старососновске строителя Дмитрича, который покупал участки под строительство, строил на них дома, а потом продавал. И вот, незадолго до того, как Коля левый начал строить свой дом, Дмитрич, достроив два деревянных дома в середине улицы, продал их Коле правому и Сереге.

Коля левый, еще когда покупал свой участок с находящейся на нем избушкой, обратил внимание на бетонный столб, лежавший на улице перед его участком. Впрочем, лежал он не только перед его участком, но и перед участком Сереги. Подумав, что столб может очень пригодиться в хозяйстве, он спросил хозяина избушки: «Чей столб?». «Мой, – ответил хозяин. - Избушку купишь - твой будет». И вот, после того как Коля купил избушку, снес и ее, и старый забор, он подумал, что сейчас самое время столб прибрать, так как затаскивать его на территорию удобней, пока забора нет. Но, только он обвязал столб тросом и прикрепил к тросу лебедку, как появился сосед Серега и заявил, что именно он, Серега, является законным владельцем столба. Мотивировал он это тем, что Дмитрич, продавая ему дом, заверил, что после покупки дома столб будет принадлежать ему, так как до покупки принадлежал Дмитричу.

Соседи делили столб, наверное, час, и, может быть, и поделили бы, но тут пришел Коля правый: «Вы что? Мой столб

делите?». Оказалось, что и его Дмитрич заверил в том, что он унаследует столб после покупки дома. На троих столб точно не делился. Новые соседи насмерть переругались, но не подрались, так как в связи с наступившим вечером вынуждены были прекратить разборку и разойтись по домам на ужин.

Утром, когда все трое снова собрались для завершения дела, столба на месте не оказалось. Сперва они принялись обвинять друг друга в краже, но потом увидели след утянутого по земле столба – он шел вдоль улицы за пределы их владений. Соседи пошли по следу, но он вышел на поперечную улицу, по которой лесовозы уже проехали утром на вырубки, и стал неразличим. Соседи облегченно вздохнули. На самом деле им еще вчера надоело делить этот столб. Они все вместе пошли на участок к Сереге, где в Серегиной беседке и отметили первый День Соседа. Надрались до беспамятства, подружились и после этого никогда не ссорились. А отмечать каждую пятницу День Соседа стало доброй традицией.

Соседская дружба, как известно, бывает двух типов. Первый – это когда два соседа периодически встречаются за бутылкой, чтобы просто выпить. В принципе, сами они друг другу и не нужны вовсе, нужна только бутылка. Но не будешь же «в одну морду»! Что жена скажет? Всем родственникам растрезвонит, что, видимо, это уже как минимум вторая степень алкоголизма, а дети скоро к этим разговорам привыкнут и будут радостно кричать: «Ура! Папа-алкоголик с работы вернулся!»

Но такая соседская дружба – ненадолго. Жены таких соседей, понимая, что единственная цель посиделок – хоть какое-то время не общаться со своими горячо любимыми половинами, не мытьем, так катаньем разрушат этот духовный союз не совсем свободных людей. Они начнут орать на всю округу: «Опять

богодулят, алкаши! А огород не копан!». Или: «На водку так деньги есть! Лучше бы лишнюю лопату купил!». Но это ладно, это стерпеть можно. Но жены не таковы, чтобы отступить в самом начале пути после первых неудач. Видя, что выпущенные в мужей призывы к совести прошли мимо, они наращивают усилия. Зная, что «на секунду нельзя отвернуться – уже пьет с соседом», они все время, которое мужья не находятся на работе, распланируют со скрупулезностью армейского старшины, доведут этот план до подчиненного и, стоя у мужа за спиной, будут неотрывно следить за исполнением.

Конечно, мужики – не дурачки какие-нибудь. Выкрутятся. Например, приходит один сосед, которого жена на пять минут почему-то оставила в покое, к другому, который, как и положено, под круглосуточным надзором:

- Привет, сосед!

- Привет, сосед!

- Ну и что?

- Что… Какое тут «что»? Вон, до того конца пока не вскопаю…

- А плашка сто двадцать шесть сто сорок восьмых у тебя есть?

- Была где-то. Могу поискать. Тебе срочно?

- Занеси, если найдешь. Срочно. Если за пять минут не найдешь, то уже и не надо будет.

Разве можно назвать это соседской дружбой? Тем более что из-за следующих обычно за поисками плашек семейных скандалов такие соседи вскоре и словом-то обмолвиться не смогут. Встанут по разные стороны забора:

- Ну что? – кивнет молча один.

- Хорошо бы… Да как? – пожмет плечами другой.

Настоящей соседская дружба бывает лишь тогда, когда у соседей находится общее дело. И у наших соседей - двух Николаев и Сереги - оно нашлось. На втором же Дне Соседа выяснилось, что Коля левый совсем не ворует электричества! И даже когда достроит дом, не собирается этого делать! И праздник целиком оказался посвящен этой проблеме. Серега рассказал отстающему товарищу, что самый цивилизованный способ не дать электрикам сесть себе на шею – это сделать, как у него: отвод левой ветки в том месте, где провод входит в дом. Провод ведь не просто проходит в отверстие в стене, а находится внутри гильзы – металлической трубы. Так вот, трубу эту надо сделать не цельной, а из двух половин. В середине стены, где гильзы нет, и отходит «левый» провод, который уже без всяких гильз идет между двумя бревнами в потайное место, где расходится к розеткам, в которые включены самые главные потребители: бойлер, холодильник или даже сварочный аппарат.

Коля правый возразил, что такой способ хоть и удобен, но имеет существенный недостаток: если электрики захотят проверить, не ворует ли Серега электричество, а такое, в общем-то, возможно, то они легко обнаружат воровскую ветку. Для этого им надо всего лишь выкрутить пробки. Свет в этом случае отключится, а бойлер и холодильник – нет. У него, у Коли правого, сделано похитрей. На мощные потребители от счетчика идет только «фаза», а «ноль» - от вкопанного в землю лома. Красота! Холодильник работает, а счетчик стоит! Но, если выкрутить пробку, то все отключится, и никто Колю не поймает. Ну, а сварочник у него самодельный, он жрет столько, что никакая пробка не потянет. Тут технология другая: собрался варить – забрось сперва на столб «удочки». Поэтому Коля правый если варит, то всегда вечером, когда рабочий день у электриков, которые могут приехать и увидеть «удочки», уже кончился.

Соседи засиделись в тот раз почти до утра, и не зря. Для Коли левого была придумана наиболее прогрессивная схема. Решили одновременно пустить «ноль» на лом и сделать «левую» отводку в стене, чтобы каждый раз не бегать с «удочками», и включать ее только тогда, когда решил украсть особенно много. Например, подтопить дом в морозы электрическим «козлом».

Коля левый сказал, что, конечно, хорошо бы платить только за лампочки. Но ведь это же воровство. Он, Коля, никогда не был вором.

- Что ты, что ты… - замахали на него руками Серега и Коля правый. – Ты Чубайса по телевизору видел? Ты у кого украсть постеснялся?

Коле левому стало стыдно. Он согласился, что у Чубайса украсть не только можно, но и нужно:

- Должна же быть на свете справедливость!

И ведь что особенно приятно: у какой жены рука со скалкой поднимется разогнать такой День Соседа, когда на нем решаются глобальные вопросы экономии семейного бюджета!

Не успел Коля левый закончить монтаж «левых» веток и ломов, как на соседей обрушилась новая проблема. В связи с наступающей осенью Коля правый решил подсоединить газ и включить котел отопления, но сделать это газовики не позволили. Хотя газ уже давно был подведен к дому, подключен он до сих пор не был. А другие хозяева оказались попроворней. Они понастроили в округе домов, подключились к трубе, и теперь газа на всех не хватало. День Соседа, посвященный газовой теме, состоялся в доме Коли правого, отапливаемом ворованным электричеством. Но мощности калориферов оказалось маловато, и в доме было довольно прохладно. Первым взял слово Коля левый. Он повел речь о том, что со стороны газовиков такое поведение – вопиющее хамство, и поэтому Коле правому надо поставить в доме еще

несколько электрических «козлов», подключив их к лому. Но Серега возразил, что это будет несправедливо по отношению к Чубайсу, которого соседи и так уже прилично обобрали. А теперь ему, бедному, еще и за газовиков отдуваться придется?! И предложил такой способ решения проблемы…

У него, у Сереги, счетчика газа нет, и оплата производится по нормативам. Поэтому он газ не экономит, а наоборот… Зимой – окна нараспашку! Теплотрассы проведены в сарай, где он разводит свиней, в две теплицы и еще в баню, в которой температура никогда не бывает ниже сорока градусов, что приводит к фантастической экономии дров. Так что он может безо всякого ущерба для себя, но, конечно же, с ущербом для наглых газовиков, отвести от себя в сторону Коли правого хоть «левый» газовый шланг, хоть теплотрассу.

Идея всем понравилась, но на следующий день Коля решил свою проблему еще проще: он просто взял ключ, сгон и гайку, да и подсоединил свой дом к газовой трубе безо всяких разрешений. А чтобы место подсоединения не было видно с улицы, поставил перед ним «Газон» - старый самосвал, имевшийся у него в хозяйстве.

Несколько месяцев после этого все было спокойно, и справедливость по отношению к Чубайсу и «Газпрому» день за днем постепенно восстанавливалась, но в один совсем не прекрасный день к Сереге пришли газовики. Причем не наглые, а вообще отмороженные. Они заявили, что если Серега в течение месяца не поставит газовый счетчик, то у него отключат газ! А покидая Серегины владения, заметили, что дом Коли правого подсоединен к трубе. Глядя на Колин дом не со стороны улицы, где этот криминальный момент был не виден из-за стоявшего перед ним «Газона», а со стороны Серегиного дома, они увидели сгон,

которого быть не должно было, но который, почему то был. Они, конечно, сразу же поняв, что это значит, стали ломиться в калитку Коли правого, крича на всю улицу: «незаконное подключение, незаконное подключение!», но с другой стороны калитки на них стал рычать и бросаться Колин пес, а сам Коля, тоже сообразив, что к чему, из дома так и не вышел. Был конец рабочего дня, и газпромовцам пора было расходиться по домам, что они и сделали.

На следующее утро, ровно в восемь, Перед Колиным забором нарисовалась целая комиссия: три слесаря во главе с бригадиром, начальник посолидней, еще какой-то инспектор и тетка с папкой и ручкой в руках. Бригадир стал терзать кнопку звонка, инспектор – барабанить в ворота, а все остальные, пытаясь перекричать брызгающего слюной пса, как и вчера, стали оповещать окрестности о незаконном подключении. Коля правый спокойно вышел из дома, привязал и успокоил собаку и запустил всех к себе в ограду:

- Где незаконное подключение?

- У вас! Где же еще?!

- У меня?! Нету!

- Вот же! У вас труба собрана! А должна быть разобрана!

- Я не знал, что должна быть разобрана. Так у меня же к этой трубе ничего не подключено!

Комиссия прошла в дом и убедилась, что внутри дома на трубе стоит заглушка и ни котел, ни газовка к ней не подсоединены. Для убедительности Коля не только все разобрал, но и включил посреди помещения три калорифера и заставил своих домашних ходить по дому в куртках, шапках и валенках.

- Действительно не подключено, - удивилась тетка с папкой. – И видно, что не отапливаются.

- А кто трубу скрутил? – спросил бригадир, который не удивился, потому что повидал на своем веку немало чудес, навроде

труб, которые свинчиваются сами собой, пока спят хозяева.

- Не знаю, - посмеиваясь, сказал Коля. - Когда я дом купил, все так и было.

Комиссия составила акт, согласно которому Коля правый был ни в чем не виноват. Слесари разобрали трубу, поставили заглушку и все уехали. А дело, конечно, было в пятницу…

Собравшись, соседи решили, что оборзевший «Газпром» надо немедленно ставить на место. Быстро нашли шланг и все необходимые железки, чтобы подсоединить его одной стороной к трубе, а другой – к котлу.

Теперь Коля правый каждый день в шесть вечера, когда у «Газпрома» заканчивался рабочий день, должен был выйти на улицу, снять с трубы заглушку и прикрепить к ней шланг, потом просунуть его через форточку в дом и подключить к котлу. До восьми утра, начала рабочего дня, котел работал на всю катушку, натапливая дом впрок на дневное время, когда придется существовать без отопления; в восемь заглушка ставилась обратно. Первое время Коля тяготился этой процедурой, но потом привык. К тому же, если сперва он каждый раз честно наматывал на резьбу ленту и добросовестно скручивал соединения ключами, чтобы не было течи, то вскоре уличное соединение стал собирать от руки без ленты, отчего газ и днем и ночью шел на улицу и вонял. Обитатели улицы спрашивали: «У тебя там что? Утечка?». «Утечка! – гордо отвечал Коля, - Только не у меня, а у «Газпрома»!». А соединение в доме Коля перестал разбирать вовсе.

Вскоре Серега установил счетчик. То, что теперь зимой надо стало закрывать окна, это было еще полбеды. Но сколько денег стали съедать на отопление свиньи и теплицы! Баню он, конечно, отключил от отопления, но сразу почувствовал, как быстро стали убывать дрова. И вот от шланга Коли правого,

который тот каждый день подключал и отключал, ответвился еще один шланг. А вскоре и еще один: на очередном Дне Соседа было решено, что это несправедливо: у Коли правого и Сереги есть бесплатный газ, а у Коли левого нет. Позже, когда Коле правому все-таки разрешили подключить газ, он не потерял привычки каждый день разбирать и собирать газопровод. Газ во всех трех домах днем расходовался только для вида, а ночью – для тепла.

Следующим на соседей напал «Водоканал». Он, «Водоканал», видишь ли, решил, что во всех домах теперь должны быть еще и водяные счетчики и чтобы простимулировать их установку, стал поднимать тарифы тем, у кого счетчиков нет. Когда счетчики поставили, выяснилось вот что: при регистрации счетчика надо было показать в «Водоканале» домовую книгу. У Коли правого и Сереги вопросов не возникло, а вот у Коли левого… Оказалось, что все время, что жил в доме, он платил за воду за двух человек - за себя и свою жену, тогда как прописано в доме оказалось аж восемь. Остальные шесть прописанных в доме не жили, но напрасно Коля пытался доказать это «Водоканалу»:

- Сволочи! – захлебывался он на очередном Дне Соседа от негодования. – Я все эти годы платил за десять кубов воды в месяц, но реально расходовал меньше. И жил себе спокойно и честно, зная, что я ничего ни у кого не ворую. А они теперь пересчитали все на восьмерых, помножили на три года, и вышло, что я им должен двадцать семь штук! Прикинь! Я!.. Им!.. Это еще при том, что в последний год они за полив огорода столько денег брали, как будто это не огород, а рыбная ферма! И еще почти тридцатку им отдай! За воду… За какую воду? Это не за воду, а за воздух!

-Да что ты так расстроился? – не понял Серега. – Пусти мимо счетчика да восстанови справедливость! Первый раз, что ли?

- Да как же тут восстановишь? Вода-то копеечная! Чтобы вернуть тридцатку, мне нужно не платить им лет десять. А мне ведь

все равно придется сколько-то пускать через счетчик, чтобы они не спохватились. Выходит, взять свое обратно получится лет за пятнадцать.

- А что делать? За пятнадцать вернешь свое, за следующие пятнадцать…

- Ага! Это же для них получится рассрочка на тридцать лет. Я им что, кредитная организация?

- А ты воды больше бери!

- А куда она мне?

- Может, гидроэлектростанцию на их воде построить?

- А Чубайса что, простить? И куда ту воду после электростанции девать?

- Может, озеро на три огорода выроем да рыбу разведем?

- Бабы не дадут огороды выкопать.

- Слушай, ты же бассейн собирался строить.

- Так бассейн – девять кубов всего. Налью я его пять раз за лето или десять: ничего не меняется.

- Налей тридцать раз, построй девяносто кубов!

- Сливать куда? Болото будет.

- Вот ведь гады! Никакой управы на них нету!

- Выход один: втроем на них навалиться!

Вскоре вода, отведенная перед Колиным счетчиком, разошлась по трем бесплатным магистралям, как и газ. Но Старососновское жилищно-коммунальное хозяйство не унималось. Через полгода после того, как соседи восстановили справедливость по воде, оно, ЖКХ, решило поиметь с них на почве мусора. И вот уже Серега потрясает на Дне Соседа квитанцией за вывоз бытовых отходов:

- Придумали! За мусор им плати! А где помойка на нашей улице? Сперва помойку поставьте!

- Да, - согласился Коля левый, - если бы помойка была, то еще можно было заплатить, а так… Я что раньше возил свои мешки

на помойку к девятиэтажкам, что сейчас буду. За что платить?

- Вообще-то мусорку поставили, - сказал Коля правый, - вон там, где второй переулок, со стороны леса.

У Коли правого проблема с мусором была решена лучше всех. «Газон», который теперь не нужен был для загораживания трубы и стоял в дальнем углу палисадника, был самосвалом. Хоть он был и старый, но система подъема кузова работала на нем исправно. Он был без документов, но с номерами и для езды по близлежащим улицам и по лесу, без выезда на нормальные дороги, вполне годился. Коля использовал его для двух целей. Пару раз в год он садился на него и ехал в лес на вырубки, чтобы, как он говорил, «побрать дрова», - на вырубках после лесорубов много чего остается. А в промежутках между этими рейсами он забрасывал в кузов «Газона» мешки с мусором и закрывал все это тентом. Когда мусор накапливался, как раз подходило время поехать «побрать», и по дороге на вырубку Коля вываливал свой кузов где-нибудь в лесу. Соседям он, конечно, рассказывал, что вываливает свой мусор на городской свалке, причем платит за это и соседи, даже Коля левый и Серега, кажется, верили. И вот буквально пару дней назад Коля поехал по делам в лес, но в том месте, где дорога проходила между домами и ныряла в бор, он обнаружил контейнеры новой мусорки, которую было никак не объехать. Он загнал «Газон» обратно и уже два дня мучительно думал, как бы это избавиться от целого кузова мусора.

Изучив свои квитанции соседи обнаружили, что контора предлагает им платить за мусор всю оставшуюся жизнь: заплатив один раз по квитанции каждый из них автоматически подписывается под договором об оказании услуг. Мужики решили платить: помойка под боком – благо, а двадцать рублей с человека – не деньги.

Коля правый не долго думал, куда девать свой мусор. Заплатив по квитанции и подписав таким образом договор об оказании услуг, он тут же этими услугами и воспользовался: подъехал ночью на «Газоне» к новой мусорке и вывалил все, завалив с верхом контейнеры, а заодно и территорию вокруг. А ЖКХ пригнало шесть рабочих таджикского вида и убрало Колин завал. Вроде, на этом мусорная тема могла быть навсегда закрыта, но не тут то было…

В квитанциях, пришедших через месяц, была указана сумма, в шесть раз превышающая предыдущую. Опять День Соседа, снова разбирательство. И что же выяснилось? Те, первые квитанции, были вовсе не за сентябрь, как соседи подумали. А что они еще могли подумать о квитанциях, пришедших в октябре? Они были аж за февраль! И теперь, после того, как они были оплачены, что означало заключение договора с февраля, ЖКХ прислало квитанции за последовавшие за этим полгода! Вот так ЖКХ! Это что же за крутые специалисты там трудятся! На ровном месте обуть трех соседей на плату за полгода назад! Но не на тех напали. Соседи уже на следующий день дали объявление: «Вывоз строительного мусора и других отходов». Решено было, что за полгода переплаты мусорка будет заваливаться один раз в неделю в течение года.

Казалось бы все - и электрики, и газовики, и «водоканал», и мусорщики - добились всего, чего только могли. Соседи обирали их по полной, при этом считая себя абсолютно честными людьми, но «Газпром» решил, что и этого ему мало…

Как-то у Сереги сломался газовый счетчик. А дело было летом. Серега обычно в конце весны платил за газ и потом до октября не вспоминал про газовую контору – летом газ почти не расходуется, даже «левым» шлангом пользоваться нет смысла. Но

газовая контора про него не забыла. Она, как и положено, раз в месяц интересовалась показаниями счетчика. А Серега что, запоминать их будет, что ли? Он и передавал их все лето, не замечая, что они не меняются. А не менялись они еще с апреля. И вот оказалось, что он теперь должен «Горгазу» за все время, пока счетчик был сломан, восемнадцать тысяч, которые ему насчитали по нормам! Да три соседа никогда зимой столько за газ не платили! Все вместе!

Думали-думали мужики - ничего не придумали. Ну как у них еще украдешь, когда там и так все уже украдено? Единственное, что можно сделать, – это на ночь просто открывать газ и выпускать его на улицу.

И вот после той пятницы, вечером в субботу, Серега вез мусор на Колином «Газоне» и грустил о том, что в этот раз наказать «Газпром» не получится. Впереди него не торопясь катилась «девятка». Думая о своем, Серега машинально стал читать объявление на ее заднем стекле, но почему-то это у него не получалось. «Какой дурак прилепил объяву вверх ногами?» - всплыла у Сереги мысль, побудив его разобраться, таки, что же там написано. Первое слово объявления, написанное вверх ногами и задом наперед, было «нестандартное». После того, как Серега разобрался с «нестандартным», пошло легче. Остальное было написано стандартным способом, сверху вниз и справа налево: «оборудование, изобретатель, умелец» Может, изобретатель изобретет, как наказать «Газпром»? Он стал мигать фарами и сигналить, а потом открыл форточку и стал махать изобретателю рукой. Тот быстро сообразил, что с ним хотят пообщаться, и остановился на обочине. Это был Бориска.

Несколько лет назад он женился и перебрался из большого города в Старососновск. После автосервиса под крышей

«святых» братков, после еще нескольких, успешных и не очень, коммерческих предприятий, связанных в основном с различной техникой, он возомнил себя способным изобрести и изготовить все, что угодно: станок, самолет, подводную лодку… Именно об этом, как ему казалось, и гласило объявление на заднем стекле его машины. Теперь он принимал заказы на изготовление самых неожиданных механизмов и строил их, в основном, конечно, при помощи сварки и «болгарки», но и не без помощи интеллекта. Познакомившись с Бориской, Серега изложил ему проблему и пригласил в следующую пятницу с докладом о возможных способах ее решения.

В пятницу вечером Бориска, как и просили, пришел на Сосновую улицу пешком и постучал в Серегину калитку. Серега провел его через свое хозяйство в беседку, где один Коля жарил шашлыки, а другой нарезал огурчики.

- Ну, вот, - сказал Серега, - Кулибин на месте, можно начинать.

Первая – за знакомство, вторая – чтоб не загубить первую.

- Ну, Боря, давай! Как нам победить этот «Газпром»?

Боря начал:

- Первый способ – самый простой. Надо сделать во всех ваших трех домах аккумуляторы тепла. Это резервуары с водой, которые запасают тепло ночью, когда газ бесплатный, и отдают днем, когда…

- Давай второй способ, первый не годится. Снижать потребление платного газа уже некуда. Надо наращивать потребление бесплатного.

- Другой вариант: устанавливаем электростанцию, переводим ее на газ и получаем бесплатную электроэнергию.

- Давай дальше. Ее, бесплатную, у нас и так девать некуда!

- Ясно. Я почему-то так и думал, что первые два варианта

вам не понравятся. Тогда ставим аппаратуру для сжижения газа. Вы переводите все свои автомобили на газ и больше никогда не покупаете бензин!

- Во! – вскочили со своих мест три соседа, не дав Бориске развить идею.

-Подождите! – остановил всех Коля левый. Он налил всем по полной и снял с мангала всем по палке шашлыка. – Давайте! За газ! За бесплатный газ для наших машин!

- Это еще не все, – договорил Бориска. – Сжиженный газ можно продавать. Например, договориться с другими хозяевами машин, желательно грузовых, и заправлять их по ночам чуть дешевле, чем на заправках.

- Ура-а-а! – заорал Серега. – Давайте! За изобретателя!

Пока выпивали и жевали мясо, созрели и вопросы:

- Что за аппаратура?

- Сколько стоит?

- Где ее взять?

Бориска обстоятельно ответил:

- Можно купить в Европе. Это стандартное оборудование, которое европейцы давно используют. В отличие от России там его использование частными лицами не запрещено. Стоит в районе ста тысяч евро. Но! Я могу его сделать за тридцать! За год-полтора окупите, и да здравствует прибыль!

Соседи какое-то время переглядывались, жуя шашлык и подсчитывая расходы и доходы. Первым определился Коля левый. Он всем налил и поднял свой стопарь:

- Не совсем халява, но очень неплохо получается. Дело даже не в халяве: не можем же мы пройти мимо несправедливости, что творят эти газовики! Я знал! Наше дело правое! – Он несильно стукнул кулаком с зажатой в ней стопкой по столу, отчего часть водки расплескалась по руке. Выпил то, что осталось, и уже пустой стопкой грохнул по столу: - И победа будет за нами!

ДЕТЕКТОР

Бориска маялся в пробке на выезде из города в Старососновск и, чтобы убить время и поберечь нервы, завел сам с собой философскую беседу. Он давно научился таким образом коротать время в пробках…

Несколько лет назад его лишили прав за «встречку». Для него это не стало тяжелым испытанием и не привело к каким либо потерям. Наоборот, жизнь без машины ему понравилась. Каждое утро, невзирая на мороз или метель, он вел сына в садик, а вечером – обратно, и это было и приятно, и полезно: и он сам и ребенок стали больше ходить пешком, стали больше общаться. В город он начал ездить на маршрутках, и его перестало волновать, пил ли он вечером, есть ли деньги на бензин, поменял ли он резину. Он стал везде успевать, потому что начал составлять себе реальные планы на день, тогда как на машине вечно опаздывал, пытаясь успеть и туда, и туда, и туда. Опять же, ходьба пешком способствует рождению мыслей, и они, конечно же, родились. Первая, рожденная лишением прав мысль была о том, что, когда права вернут обратно, Боря все равно будет ходить пешком и ездить на маршрутках, а машину использовать только в случае крайней необходимости. И вторая: Боря больше никогда не будет нарушать Правила Дорожного Движения.

Конечно, первая идея оказалась нежизнеспособной. Как только права вернули, Бориска пешком стал ходить только до машины. А вот вторая…

Боря за рулем стал абсолютно законопослушным. Стоит знак «сорок» - едет сорок! Поставят «пять» - поедет пять. Куда он еще не успел в этой жизни? Он забыл, что такое штраф. Год без

штрафов! Два! Три! Конечно, он может забыть включить фары или совершить какое-либо другое мелкое нарушение, но лишь нечаянно. Ехать и нарушать, зная, что он едет и нарушает, стало для него невозможным. Он стал везде успевать, как будто ходил пешком, потому что ставил себе реальные цели, а не думал: «Поеду побыстрей и успею туда, туда и еще туда». Гаишники перестали его замечать, и он их тоже, но когда все-таки, раз в год или раз в два, его останавливают для проверки документов, Боря не испытывает к ним ни злости, ни неприязни. «Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свиданья, счастливого пути…». Люди как люди, работают себе, никому не мешают. И чего он так не любил их раньше?

Однако был и один весьма неприятный момент в его нынешней законопослушности. Сон. Постоянный сон за рулем. Водитель, едущий быстро, как только может, не спит, даже если не выспался ночью. Он постоянно будоражит сам себя: а нельзя ли проскочить между вон теми двумя? Обогнать? Не обогнать? Вроде, успею! А ментов нет? Че ты там мне сигналишь? Да пошел ты!.. Какой тут сон? А когда Боря по хорошей прямой дороге, на которой стоит знак «сорок», едет сорок, то сон застилает ему глаза серой пеленой и пытается выключить мозг вовсе, хоть он и выспался, и кофе выпил. Законопослушная езда – хуже хлороформа. И маялся так Боря пару лет, пока не записал на диск для прослушивания в машине песни военных лет. Слушая знакомые с детства мелодичные песни, он невольно подпевал и заметил, что пение убивает сон. Теперь у него в машине было несколько дисков военных песен, и когда сон только-только напоминал о себе первым зевком, Бориска включал громкую музыку и, пытаясь попасть во все ноты и не уступить записи в громкости, пел: «Вспомню я пехоту…» или «Твой дружок в бурьяне, неживой ле-ежи-и-ит». Первое время он пел только при закрытых стеклах, но потом перестал стесняться и пел, открыв стекла и не замечая прохожих, удивленно провожающих взглядом

ненормального, поющего на всю улицу водилу. Но это на ходу. Езда и песня легко объединяются в одно целое в отличие от песни и стояния в пробке. Но и тут Бориска придумал выход. Если не хочется петь, то отчего же не побеседовать с умным человеком? В пробках он стал вести с самим собой дискуссии на темы морали, истории, внутренней или даже внешней политики, нисколько не смущаясь тем, что окружающие водители с удивлением смотрят на придурка, жарко спорящего с самим собой, размахивающего для убедительности руками или стучащего кулаком по рулю.

В этот раз тема стояния в пробке была такой: «Можно ли прожить жизнь так, чтобы ни за что не было стыдно?»:

- Вот ты сам, Бориска… Скажи мне честно, как родному: сколько в твоей жизни случаев, за которые тебе стыдно?

- Да если начать вспоминать…

- А мог ты все эти разы поступить иначе? Вот, например, те бельевые веревки…

- Объективная сторона: веревки были необходимы. Мы тогда, если помнишь, строили виндсерфинг. Намазали все эпоксидкой, покрыли стеклотканью и обмотали полиэтиленом. И надо было все это зафиксировать веревками, но своих веревок не хватило. Дело было к ночи: купить негде. А главное – некогда. Если бы смола затвердела в необжатом состоянии, то сколько пропало бы труда, смолы, ткани?! Сколько времени пришлось бы все это потом переделывать?!

- То есть то, что ты в такой ситуации просто взял, да и спер во дворе все соседские веревки, – нормально!

- Нет. То есть, нормально. Ненормально, что ты потом не купил такие же и не повесил на место.

- А вот теперь скажи: помнил бы ты сейчас об этом случае, если бы тетя Дуся тогда не вышла и не застукала тебя за этим занятием? Пусть она никому не сказала, но тебе, сознайся, стыдно только потому, что она узнала, что ты – вор!

- Пожалуй, ты прав. Если бы никто ничего не увидел, я про ту веревку благополучно забыл бы и даже…

В кармане у Бориски зазвонил телефон.

- Извини, я отвечу… Запомним: я согласился, что забыл бы о том случае, если бы не тетя Дуся. …Алло!

- Здравствуйте! Хочу поговорить с умельцем и мастером по нестандартному оборудованию.

- Слушаю.

- А вы любое оборудование можете сделать?

- Да. Какое интересует?

- Мне нужен детектор лжи.

- Чем не устраивает стандартный?

- Многим. Мы не могли бы обсудить это при личной встрече?

- Давайте договоримся, где и когда.

- Я еду, в смысле – стою, следом за вами и прочитал объявление на стекле. Давайте вон там, за автобусной остановкой, прижмемся и потолкуем.

Остановились, вышли из машин:

- Борис.

- Петр.

- Что за детектор вам нужен?

- Вы знаете, что такое детектор лжи?

- В общих чертах.

- Ну, расскажите. …Давай на «ты»?

- Давай. Детектор – прибор, измеряющий некоторые параметры человеческого организма: пульс, давление… Что там еще? Тембр голоса. Те параметры, которые меняются, когда человек врет. Если замерить эти параметры, когда человек отвечает заведомо правдиво, то потом, когда он соврет, это можно будет определить по их изменению.

- Все так. Эти приборы есть, их можно купить. Но! Чтобы его использовать - стандартный прибор, нужно согласие того, кого спрашиваешь.

- Так это есть в законодательстве. При чем тут: «стандартный – нестандартный»?

- Это и есть в законодательстве потому, что прибор несовершенен. Чтобы измерить эти параметры, надо подсоединить человека к датчикам. А как это сделать без его согласия? Можно надеть насильно, конечно, но тогда параметры и без вранья изменятся.

- Понял. Нужен детектор, который измерит параметры без датчиков, на расстоянии, незаметно для тестируемого.

- На лету схватываешь!

- Написано же: «умелец». В принципе, задача ясна. Я пожую эту тему пару вечеров и позвоню.

- Пожуешь?

- Узнаю в интернете все, что можно, про стандартные детекторы, подумаю, посчитаю, все тебе скажу.

- Все – это что?

- Возможности прибора, время постройки, цену. А он тебе зачем?

- Надо. Какая разница?

- А вдруг для чего-то незаконного? Тогда будет дороже.

- Для не совсем законного, но справедливого. Я – опер. Я не могу использовать детектор из-за норм в законодательстве, но если бы он был без датчиков, то я мог бы использовать его частным порядком.

-Но это же нечестно!

- Почему? Вот я задаю вопросы подозреваемому или свидетелю… Немного разбираясь в психологии, я могу иногда определить, что человек врет. Кто нос чешет, кто глаза опускает. Вот я узнал, что он соврал. Имею я право использовать это знание? Для доказательства – нет, а для оперативной работы – имею. Даже

обязан. Но если тот, кого я спрашиваю, тоже знаком с психологией, он не будет чесать нос. А я наставлю на него детектор и узнаю, врет он или нет, и использую это знание. Не для доказательства, а только для работы. Все честно. К тому же это куда гуманней, чем традиционные методы.

Бориска, как и обещал, позвонил Поперу, как он теперь сокращал слова «Петя - опер», через два дня:

- Привет!

- Ну что? Изобрел?

- Конечно.

- Уж больно просто все у тебя. Ты меня, часом, не разводишь? Сразу говорю: вредно для здоровья.

- Вот, смотри, что получилось. Обычный детектор, или «полиграф», фиксирует верхнее и нижнее дыхание, давление, пульс, проводимость кожи рук. Это основные параметры, на них все строится. Но ни один из них мы без датчиков снять с человека не можем. Есть еще дополнительные, но они, во-первых, всего лишь дополнительные, а во-вторых, из них мы можем незаметно снять только тембр голоса, но этого мало.

- И…

- И я нашел другой путь. Точнее, нашел подсказку в интернете. Когда человек врет, помимо всех этих основных и дополнительных параметров, меняется и давление внутри глазного яблока, а вследствие этого – температура окологлазной области. В «полиграфе» этот эффект не используется, а я придумал вот что. Есть такой прибор тепловизор. У тебя, кстати, случайно нету?

- Это что такое?

- Прибор, улавливающий инфракрасные лучи и строящий изображение термической картины предмета. Более теплые участки рисует красным, а холодные – фиолетовым.

- Есть прибор ночного видения.

- Не подойдет. Там принцип другой. Он собирает все инфракрасные…

- Да ладно…Нет тепловизора.

- Ладно, без него обойдемся. Тепловизор можно сделать из фотоаппарата. Для этого надо убрать из него инфракрасный фильтр.

- Фотоаппарат есть. Только курочить жалко.

- Если тепловизора нет, то что делать?

- А сколько стоит тепловизор?

- Штук под сто, но он не нужен.

- Как?

- Давай я по порядку. Тепловизор нужен только для того, чтобы проверить принцип действия. Направляем на человека, допрашиваем его и смотрим, можно ли по температуре около глаз что-то определить. Если да, то идем дальше. Берем простенькую видеокамеру или фотик. Видел, когда камера снимает человека, то на экране лицо выделяется квадратиком?

- Квадратик вокруг лица.

- Да. Если камера стоит на месте, а человек движется, то квадратик движется вслед за лицом. Это будет целеуказание. Берем еще одну видеокамеру, подороже, и синхронизируем ее с квадратиком целеуказания. Это самая сложная задача в этом проекте. А дальше – выбрасываем из второй камеры инфракрасный фильтр, ставим на большое увеличение и включаем ее на запись. Она поворачивается по командам первой и всегда держит в поле зрения лицо. Получаем запись беседы: звук плюс тепловая картинка лица во весь экран.

- Сколько стоит?

- Сперва надо раскурочить какую-нибудь камеру. Вдруг еще не получится?

- Ладно. Самый дешевый фотик стоит рубля два – три.

- На нем может не быть квадратиков. Давай шесть, если идея правильная, то он потом на целеуказании стоять будет.

- А если нет?

- Я за фотик отчитаюсь: чек и сдача. И совсем не факт, что в эксперименте он погибнет. И еще, есть такая ерунда - инфракрасный термометр. Так вот, на второй камере, которая работает тепловизором, тоже есть квадратики. И при большом увеличении, когда лицо на весь экран, эти квадратики у нас захватят что?

- Что?

- Правильно! Глаза! А мы снова используем это как целеуказание и по нему наводим на один глаз инфракрасный термометр. Получаем, кроме записи, которую можно анализировать потом, еще и показания температуры, которую заводим в специальную программу и получаем датчик «врет – не врет», который можно использовать в процессе допроса. Но это уже следующий этап.

- Ладно. Позвони мне завтра ближе к обеду. И про следующий этап думай уже на этом.

На следующий день, когда Бориска позвонил, Попер сказал, чтобы он приезжал к нему на работу. А на работе вручил ему видеокамеру. Большую, старую, еще с магнитной кассетой, но уже цифровую, то есть пригодную для эксперимента. Правда, без зарядного устройства. Бориска прямо от него поехал в ателье к Костику – своему знакомому специалисту по ремонту электроники.

- Это я чинить не буду. – сказал Костик, увидев, что привез к нему Бориска. – И никто не будет. Выкинь!

- Чинить не надо. Надо подобрать к ней зарядник. Костик открыл ящик своего стола, пошуровал в нем рукой и вытащил моток проводов, в который было замотано несколько зарядников и еще каких-то агрегатов. Выудив из мотка один зарядник и выпутав его провод, он подсоединил его к Борискиной камере:

- Заряжается. Все?

- Нет. Теперь надо из нее удалить инфракрасный фильтр.

- Тепловизор хочешь?

- Хочу.

- Зачем?

- Утечки тепла в квартире. Надо найти.

Бориске показалось, что в руках у Костика видеокамера сама разобралась, а потом, так же сама собой, собралась обратно, выплюнув из себя детальку размером с пятирублевую монету.

- Сейчас попробуем. – сказал Костик и нажал кнопку включения.

Тепловизор работал. Лицо он показывал серо- розовым цветом с оранжевыми разводами, стол - темным, а находящийся на нем работающий паяльник – ярко-оранжевым, даже ближе к белому.

- Вот спасибо! - обрадовался Бориска. - И я тебе, серый волк, тоже пригожусь!

- Да пожалуйста, сколько угодно. У меня еще знаешь, что есть? Инфракрасный датчик. Не надо?

- Дорого?

- Да два рубля - и забирай.

- На, – Бориска достал из кармана пару тысяч и отдал Костику, а тот снова залез в свой волшебный ящик и выудил все из того же вороха проводов датчик – приборчик, похожий на авторучку, соединенную проводом с небольшой коробочкой:

- Батарейка – таблетка, размер не помню. Вот сюда вставишь, вот тут включишь, вот это направишь на предмет, а вот тут посмотришь температуру.

- Ясно. Новый такой сколько стоит?

- Не знаю. Вещь импортная, еще поди достань…

- Еще такой вопрос. Когда камера наведена на человека, то на экране появляется квадратик, обрамляющий лицо, который движется.

- Куда лицо – туда квадратик? Называется…

- Да плевать, как называется. Можно ли вывести из

камеры сигнал, пропорциональный этому движению?

- Что и на кого ты собрался навести?

- Да есть тут один…

- Нехороший человек? Можно. У меня есть знакомый, он такое делал. Для фотографа, чтобы во время фотосессии еще один аппарат снимал автоматически, самостоятельно наводясь на объект. Там ничего сложного. Сигнал вывести можно, правда, там такой сигнал, что его считай что и нет. Усилители, электромоторчики… Сделаем.

- Дорого?

- Десятка.

Выйдя из Костикова ателье и сев в машину, Бориска через инвертор, который всегда возил с собой, включил подзарядку камеры, навел ее на свой глаз с расстояния двадцати сантиметров и развернул экран лицом к себе:

-На чем мы там остановились? Что-то про тетю Дусю… Но после пяти минут беседы с самим собой понял, что когда он врет самому себе, каких-то явных сигналов об изменении температуры около глаз нет. «Не работает?» - подумал сперва Бориска. Но тут же понял, в чем дело. Какое же это вранье, если один Бориска врет другому Бориске, причем Второй заранее знает, что Первый врет, а Первый знает, что Второй заранее знает? Тут все честно…

Вечером, замаскировав на полке с книгами включенную камеру, позвал сына:

- Паша! Иди-ка сюда, поговорим.

- Что, папа?

- Иди сюда. Вот здесь встань. Приподнимись на носочках. Чуть левей… Вот так. Смотри на меня… Ты трояк по английскому когда получил? На той неделе?

- Кажется.
- Так на той? Да или нет?
- Да
- А тренировка у тебя завтра в десять?
- Нет, в полодиннадцатого.
- В полодиннадцатого?
- Да. А что?
- Ты вчера в новых ботинках в школу ходил?
- Да! Ты же видел! А что такое?
- Как что? Интересуюсь! А на завтра домашку сделал?
- Да.
- Полностью?
- Полностью.
- Точно?
- Ну да!
- Ладно, иди.

Паша пошел, недоумевая, зачем папе нужно было рассказывать о времени завтрашней тренировки, непременно приставив лицо почти вплотную к книгам на полке. Не найдя этому объяснений, забыл про папину причуду и стал смотреть телевизор, но папа, просмотрев запись, пришел и продолжил допрос:

- А мне что-то подсказывает, что уроки ты сделал не полностью!

- Ну, там еще надо было по английскому… Я сейчас доделаю!

Это была чистая победа. В момент, когда Пашка соврал, его глаза на записи буквально просигналили об этом. Все настолько просто и надежно, что даже удивительно, как никто не придумал такое раньше. Как будто, кроме Бориски, на свете нет других гениев от техники! И главное – цена! Еще одна камера, две десятки Костику на два канала наведения – и все! Теперь надо было

подумать, как поговорить с Попером. Сколько бы с него поиметь? И как?

Бориска прекрасно понимал, что ментов, способных на собственные деньги заказать постройку детектора лжи для того, чтобы с его помощью заслужить переходящий вымпел «лучший по профессии» и памятный подарок, в природе не существует. Заслужить он хочет много денег, получив их от преступников за то, что, зная о совершенных преступлениях, отпустит их с миром. А раз так… Триста, не меньше. Ну, ладно, так и быть: двести. Нет, двести пятьдесят: ни ему – ни мне. Расходов – тридцатка, итого двести восемьдесят. Дальше… Еще работая в автосервисе под «святой» крышей, Бориска усвоил правило: мент за сделанную работу не платит никогда. Всегда обязательно поторгуется, чтобы усыпить бдительность, собьет немного цену, но потом не заплатит. Не важно, много там или мало: не может он заплатить. Такова его профессиональная особенность. Менталитет, если угодно. Так что, принимая заказ у Попера, надо как-то ухитриться все деньги получить с него заранее. Тут есть над чем голову поломать…

На следующий день, сидя перед Попером в его кабинете, на том месте, где обычно сидят допрашиваемые, Бориска сперва продемонстрировал запись со врущим Пашкой, а потом, стараясь не трогать рукой нос и не опускать глаза, представил заказчику финансовый аспект проекта:

- Общая сумма – полмиллиона.

- Полчего?!

- Миллиона. Триста десять нужно сразу, остальное – после постройки и испытаний.

- По общей сумме: сотку сбрасывай, и договорились.

- Давай четыреста пятьдесят: ни тебе – ни мне.

- Ладно. Теперь: триста десять сразу… Почему?

- Вот расчет моих затрат. - Бориска положил перед

заказчиком листок с таблицей. – Еще одна камера: двадцать четыре семьсот…

- Куда такая дорогая?

- Профессиональная. Тут что попало не подойдет, нужно очень большое приближение. На записи будут только одни глаза во весь экран при установке камеры даже в нескольких метрах от объекта. Запись, которую ты видел, сделана с расстояния всего сорок сантиметров. Тебя же такое не устроит?

- Что там дальше?

- Механизмы поворота второй камеры и инфракрасного датчика - по девяносто четыре тысячи за каждый. В механизме – один преобразователь сигнала и три усилителя. Выходной управляющий сигнал очень слабый, поэтому усилителей – аж три. Четыре сервопривода от радиоуправляемых моделей с выходным усилием три и два килограмма на метр, схема коммутации из восьми релюшек, контроллер. Все железо вместе – тридцать четыре штуки. Вот в этой таблице раскладка по железу механизмов целеуказания. И шестьдесят – мастеру, который этот механизм сделает.

- Тебе?

- Да ты что… Мне! Это тонкая электроника, а я и в толстую стараюсь не лезть. Вот представь: квадратик обрамляет лицо на экране. Лицо движется, и квадратик следом. Что управляет этим движением? Сигнал. А где он? Где-то внутри какой-то микросхемы. Представь уровень специалиста: найти там этот сигнал, вывести его наружу, да так, чтобы ничего не поломать! А сигналов этих – восемь, по два на каждом направлении движения. Я! Да я за такое и за миллион не возьмусь. Долларов. Это будет делать начальник лаборатории электронной сборки авиазавода в Комсомольске!

- Так. Какие там еще расходы?

- Все.

- Ты сказал триста десять.

- Ну. Два механизма по девяносто четыре плюс двадцать четыре семьсот – камера. А, еще инфракрасный датчик. Двадцать семь, да еще надо месяц ждать: только на заказ, а отечественных не бывает.

- Получилось двести сорок. А еще семьдесят?

- Мне. Мне аванс.

Попер откинулся на стуле и долго задумчиво смотрел на Бориску, мусоля во рту дужку от очков. Боря выдержал.

- А подешевле как-то нельзя?

- Как? Железо дешевле не станет, а я… Я. Конечно, с авансом могу немного ужаться…

- Давай вообще без аванса! Сделал – получил.

- Сам подумай: делать серьезную работу и еще где-то подхалтуривать! Жить-то на что-то надо? Несерьезно!

- Давай: двести восемьдесят – предоплата, остальное – потом.

- Ладно.

- По срокам?

- Полтора месяца. Но срок не жесткий.

- А не получится, что потом станет три, потом – полгода?

- Нет. Пойми, я, если бы мог, сделал бы все за неделю и быстрей получил бы деньги. Но невозможно. И здесь не все зависит от меня. Комсомольск еще этот… Туда ехать придется. В общем: полтора, но как получится.

Попер снова откинулся на спинку, пожевал свои очки и сказал резко:

- Пошли!

Идти надо было в его машину, где под сиденьем был пакет с деньгами. В машине он и отдал Бориске необходимую сумму.

Давненько не было у Бориски такой работы! Все чистенько! Ни тебе сварки, ни тебе «болгарки»! Да что «давно»? Никогда не было. За такие деньги лишь изображать бурную деятельность. Пока Костик целую неделю рожал механизмы управления, Бориска «ездил в командировку в Комсомольск-на-Амуре»: в деревне у тещи топил баньку, выпивал, бездельничал и ходил с Пашкой, у которого как раз случились каникулы, на лыжах. А вернувшись, начал сборку. Собственно, там после Костика и собирать-то было нечего. За один вечер он приделал к проводам штекеры, и теперь вся схема легко соединялась воедино, хотя еще не имела общего корпуса, и на выходе из датчика стоял цифровой индикатор, а не красная лампа, загорание которой должно было сигнализировать о том, что испытуемый врет. Но для исследований и регулировки прибора сделанного было достаточно. Когда Маша была на работе, Пашка - в школе, а дочка Наташа - в садике, он установил всю систему в книжный шкаф. Вторичная камера с поворотным механизмом поместилась в соединенных вместе двух томах «Семьи Тибо», из которых Бориска вырезал середины всех страниц, для датчика оказалось достаточно одного тома «Войны и мира», а большая камера, не имевшая поворотного механизма, уместилась во втором. Провода и цифровой индикатор с нацеленной на него для фиксации показаний их семейной видеокамерой спрятались за книги, выключатель незаметно лежал в глубине шкафа. Однако, включив систему, Бориска понял, что к испытаниям она не готова. Когда Бориска передвигался по комнате и механизмы наведения отслеживали его движение, сервоприводы производили довольно громкое жужжание, не заметить которое было невозможно. Обложив шумящие агрегаты шерстяными носками и шарфом, полной тишины Бориска все равно не добился, так что испытания пришлось перенести. Весь следующий день был посвящен оклейке тайников, оборудованных в книгах, пенопластом и поролоном, но и это не принесло успеха. Только на третий день Бориска сообразил, как можно выкрутиться: он положил в шкаф

колонки от компьютера, подсоединил их к телевизору и включил на минимальную громкость. Получилось как бы эхо от телевизора, которое шло от шкафа и заглушало жужжание работающих машинок. Правда, ухудшалось качество записи: на задаваемые вопросы наслаивался звук телевизора, но что поделаешь…

Когда семья собралась ужинать, Бориска выступил с предложением поесть сегодня не на кухне, как обычно, а в зале. Детям было все равно, а Маша сказала: «Не лень таскать туда сюда посуду – сколько угодно». Бориска притащил ужин в зал и целый час - время, на которое должно было хватить аккумуляторов, - общался с женой и детьми, задавая им вопросы, иногда самые неожиданные. Вообще, папа на ужине вел себя странновато: «Подойди сюда, постой со мной рядом, не крути головой…». А на следующий день, изучая записи, Бориска узнал, что Пашка не ест в школе. Наверное, деньги на что-то копит. Пришел он домой из школы на полтора часа позже не потому, что катался на горке с друзьями. И когда говорит, что в школе у него все хорошо, то тоже врет. А вот на тренировке у него и вправду все нормально, и книжки, которые надо было прочитать на каникулах, он и вправду прочитал, зря Маша ему не верит. С Машей дело оказалось хуже. «В кадре», помимо поверочных вопросов, на которые должен быть заведомо правдивый ответ, она сказала только две фразы, и оба раза наврала: поехать к родителям она хочет вовсе не потому, что соскучилась, и зашивать к завтрашнему утру Борискины штаны даже не собирается. Порадовала только Наташка. Весь вечер болтала, болтала, болтала… И все правда, правда, правда… Чистая душа, четыре года!

Но это ладно. Главное, что прибор работал! По индикатору можно было четко определить, когда человек врет. Нарисовалась и проблемка: у Маши и у Паши температуры были

разные. Но как ее решить, Бориска уже знал. Вместо индикатора будет стоять контроллер. Он будет управлять сигнальной лампой и можно будет подстроиться под индивидуальную температуру каждого. Только перед тем, как начать опрос, надо будет нажать потайную кнопочку один раз длинно и три раза коротко, одновременно задав три вопроса на «правду».

Так за книгами, вместо индикатора с направленной на него видеокамерой появился процессор, который в зависимости от сигнала датчика включал или нет маленький светодиодик, установленный внутри «Войны и мира». Горит зеленым – правда. Красным – ложь. Мигание его в отверстии книги можно было увидеть только с одной точки, в которой для допроса Бориска помещал себя…

- Пашка, иди-ка сюда!
- Что, папа?

Папа задает три глупых вопроса, Пашка отвечает на них «да», и начинается работа:

- Помнишь, ты наврал, что катался на горке с друзьями?
- Я? Наврал?
- Ну да.
- Я не наврал. Я катался. На горке с друзьями.
- Вот! Опять врешь!

Пашка округляет глаза:

- А откуда ты знаешь?
- Я теперь все про тебя знаю!

Пашка обреченно опускает голову.

- Ну! Где был?!
- В лес ходил.
- Зачем?

Молчит. Отец продолжает уже с угрозой:

- Зачем, спрашиваю! Говори, все равно ведь узнаю! И на

меня смотри, а не на пол!

- Костер жгли, сосиски жарили. – всхлипывает сын.
- Какие сосиски? Где взяли?
- Купили.
- А деньги?
- Санька дал.
- Врешь!
- Не-е-ет… - вытирая рукавом сопли ноет Пашка.
- Врешь!

Через час:

- Паша-а-а!
- Что?
- В компьютер играл?
- Нет.
- Врешь!
- Ну, играл… Недолго, всего минут десять. – опустил сын глаза и трет нос изо всех сил. Папа молча ухмыляется.
- Ну не десять, - ноет Пашка, - а пятнадцать…

Еще чуть позже:

- Паша, иди ко мне.

Пашка ревет заранее:

- Что у тебя в школе?
- Все хорошо.
- Врешь!

Пашка сквозь рев рассказывает, что сорвал новогоднее конкурсное выступление класса, подговорив всех сказать хором; «Раз – два – три, ну-ка, елочка, сгори!».

Пашку трясет, он уходит весь в слезах, появляется Маша:

- Что?

- Да врет не переставая. В школе не обедает, а потом с друзьями покупают сосиски и жарят их на костре в лесу.
Маша делает испуганные глаза:

- Сосиски?! В лесу?! Кстати, а как ты отнесешься к тому, что я в воскресенье поеду в город, встречусь с Юлечкой? Давние подружки, давно не виделись, посидим в кафе, поболтаем…

- Ладно. А ты вчера за интернет заплатила?

- Да. Я же тебе говорила.

- Ах, да, говорила. А Зинка у тебя тысячу одалживала, сегодня обещала вернуть?

- Кажется. Да, сегодня.

- Ты у Пашки вчера математику проверяла?

- Да! Ты же видел! Вообще ничего уже не помнишь.

- А, помню, помню. Куда вы там с Юлечкой намылились в воскресенье?

Детектор совершенно однозначно просигналил, что Маша собралась не в город, чтобы встретиться с Юлечкой и поболтать с ней в кафе. Куда же она собралась? Может, не в город? А может, в город, но не к Юлечке… А может, не в кафе, а может, не поболтать! Чтобы выяснить, в каком именно месте жена наврала, Бориска стал задавать наводящие вопросы, но уже через три минуты Маша, еще не до конца выведенная на чистую воду, крича: «Достал! Ты в чем меня подозреваешь?! Ненормальный!», оделась и, хлопнув дверью, ушла в неизвестном направлении.

Вскоре зашла соседка Зинка и наврала, что не может отдать тысячу, поскольку на работе задержали зарплату. Бориска опять задал несколько вопросов, и Зинка, не дожидаясь, пока он ее «расколет», убежала, поклявшись ничего и никогда больше у них не просить. А следующим был сосед снизу. Уходя и хлопая дверью, он заявил, что шуруповерт, точно такой же, какой он брал попользоваться у Бориски и который развалился сам собой у него в

руках, он, конечно, вернет. Но чтобы он еще когда-нибудь что-нибудь у Бориски…

Разогнав при помощи детектора всех, кого только можно, и оставшись наедине со включенным на приличную громкость телевизором, Бориска заскучал. Выключил телик, откинулся в кресле. Детектор, готовый к новым разоблачениям, напомнил о себе, зашуршав машинками. Хорошая все-таки, получилась штуковина! Вот бы такую Борискиным родителям, когда ему было столько, сколько сейчас Пашке! Или чуть больше. Они поседели бы поди, если бы узнали, что он творил, когда «ходил в гости к Бублику». Они не костер жгли, а взрывали болты, стреляли из поджигов, воровали хлеб на хлебозаводе. Да много чего еще. Как этими болтами ничего никому не выбило? Они брали два больших болта, гайку, и зажимали между ними серу от спичек. Потом эта заряженная скрутка подбрасывалась как можно выше и падала на асфальт: «Бах!». Куда они, эти болты, после взрыва улетали? А как они с Бубликом порох варили? Это тебе не «елочка, сгори»! Увидев на уроке в школе, что, выпарив из соляного раствора воду, можно получить сухую соль, Бориска сообразил, что таким способом можно добыть и серу от спичек в больших количествах. В ту пору они с Бубликом перешли от болтов к поджигам, серы нужно было гораздо больше, и на ее отковыривание от спичек уходило много времени. У Бублика дома, когда его родителей не было, они налили в кастрюлю воды, высыпали туда сто коробков спичек и перемешивали все это до тех пор, пока вся сера не смылась со спичек. Потом палки выбросили, а коричневую воду поставили на огонь. Вода вскоре выпарилась, на дне остался слой мокрой серы. Высушивать ее до конца на огне они, конечно, не стали и пошли погулять, а когда вернулись, то увидели, что сера высохла сама. Бублик стал отковыривать ее от дна отверткой, но Бориска остановил его, сказав, что так получаются крупные куски, тогда как для дела лучше подойдет

пыль. Он взял широкую стамеску и стал скрести ею по поверхности серы. При этом действительно получалась пыль, но когда стамеска скребла серу четвертый или пятый раз…

Бориска потом всегда удивлялся самому себе, вспоминая этот случай. Когда сера вспыхнула и пламя вырвалось из кастрюли, как из ракетного двигателя, прямо ему в лицо, он почему-то не отбросил ее подальше, а несколько раз ударил ладонями по горящей сере, пытаясь ее потушить. Потом, конечно, отбросил, но не куда-нибудь, а на диван. И хоть это была кастрюля, а не бутерброд, перевернулась она так, как будто была бутербродом. «Ракетный двигатель» изрыгал пламя прямо в диван до полной выработки горючего.

Бориска сказал дома, что упал руками и лицом в костер. Поверили. А что оставалось его родителям, если у них не было детектора? А Бублик наврал, что, когда пришел домой, то эта идеально круглая черная дыра посреди дивана с торчащими из нее пружинами уже была. «Если бы я не залил диван водой, - гордо рассказывал он, - то тут бы вообще все сгорело!». Его мама с папой потом еще целую неделю ходили друг на друга в рукопашную, пытаясь выяснить, кто из них, уходя на работу, забыл на диване тлеющий чинарик.

Весело было. А хлебозавод! Рядом с их двором был хлебозавод, а напротив заводского забора строили дом. И вот, вся шпана с округи собиралась в этом строящемся доме: курили, играли в карты, в «хлоп», в «пристенок», в «чику». А также крали хлеб на хлебозаводе. Из окон своей стройки они видели, как на погрузочную площадку завода вывозят тележки с только что испеченным хлебом, и когда на площадке не было людей, кто-нибудь из пацанов перелезал через забор и бежал к этим тележкам, хватал две буханки и бежал обратно. Добежав, перебрасывал через

забор булки, потом перелазил сам. Вкуснее хлеба Бориска в жизни не едал! А если еще подкоптить на костерке из рубероида! Но горячий хрустящий хлеб – это было не главное. Главное – то, что именно украв первую в жизни булку все эти пацаны в глазах остальной компании перестали быть маленькими и с каждой очередной булкой все росли и росли. Работники завода, видимо, не очень-то хотели поймать этих сорванцов, а иначе, конечно, поймали бы. Видя, как очередной воришка улепетывает к забору с парой булок, топали ногами и кричали весело: «Догоню! Поймаю!». Что такое для завода десяток булок, что сопрут за день мальчишки? Правда, про хлебозавод родители узнали и без детектора. Как-то раз компания устроила соревнования «кто больше сворует». В помещении стройки, где был наблюдательный пункт, булки, которые уже никто не ел, валялись на полу, а мальчишки все лазили и лазили через забор, выясняя, кто самый храбрый и удачливый. И терпение завода лопнуло. На следующий день в квартире у Бориски появился пахнущий хлебом дяденька. Каково же было горе матери, когда она узнала, что ее сын – вор! … «Паразит! Тебя что?! Не кормят?!»… Да, было время. А сегодня… Наехал на сына из-за каких то сосисок! Не стыдно?! До слез довел! Из-за не ворованных, изжаренных не на рубероиде сосисок! Надо, наверное, замять как-то это дело…

- Пашка, иди-ка сюда!

- Что, папа? – сын смотрит из-под бровей, видимо, готовясь к новому допросу.

- Пашка, ты это…

Пашкина губа начинает дрожать.

- Паш! Да я же ничего такого. Я только спросить…

Слезы. Снова слезы. Стыдно Бориске: «Прости, Пашка! Прости, Маша! Милые мои! Никогда больше не направлю я на вас этот иезуитский агрегат. Не мент же я, в конце концов! Зато денег

заработал, а вы мне помогли, не зная того. Не зря страдали: теперь на море поедем. А вы врите, врите. Врите, сколько душе угодно, я не против! До меня вам в этом деле все равно далеко.

БОМЖИК

Бориска рулил на своей машинке по зимней заснеженной дороге и увидел впереди человека с двумя огромными пакетами в руках. Человек шел в попутном направлении. «Возьму, - подумал Бориска. – Идти ему, бедному, еще далеко, да с мешками, да на улице – «минус» под «тридцатку». Бориска не только в мороз подбирал всех подряд на этой дороге. Это была дорога в сады, а неподалеку от садов на ней стоял завод, на который Боря иногда ездил. Там трудились несколько построенных им механизмов – измельчители, печи, вентиляция, которые периодически требовали обслуживания. На завод ходил автобус, но то ли раз в час, то ли раз в два, а то мог и вообще не прийти, и жители садов, не доверяя такому транспорту, то и дело топали несколько километров до ближайшего поселка в магазин или еще по каким своим делам. И Боря, догнав такого ходока, обычно останавливался и подвозил.

Вот и в этот раз он объехал человека, остановился в нескольких метрах перед ним и приоткрыл пассажирскую дверцу. Мужчина, метра под два ростом, открыл дверь, упал на сиденье сам, потом затащил в машину и пристроил у себя на коленях и груди два огромных пакета:

- Спасибо. – И закрыл дверь.

Поехали

- В сады?
- Да.
-До завода довезу. С покупками?
-Да нет. Это другое.

Бориска покосился на пакеты. Они были не прозрачные, но по внешнему их виду и по тому, что из них выглядывало, он сделал вывод, что «другое» - это что-то нарытое в помойке. «Бомжик, что ли?» - подумал Бориска и невольно понюхал воздух, ожидая по запаху убедиться, что не ошибся. Но в машине не пахло ни бомжами, ни помойкой. Видимо, Борины потуги разобраться с пакетами не ускользнули от пассажира:

-Да не принюхивайся, не принюхивайся! Ну да, из мусорки… Но все чистенько, не волнуйся, – улыбнулся пассажир. Тогда Бориска осмотрел его самого с головы до ног.

- И сам я чистенький. – снова улыбнулся бомжик. Бориска вымучил из себя улыбку в ответ и подумал: «Угораздило же! Представляю, что бы сказала Маша, узнай она, что на ее месте ехал бомж с двумя мешками добычи… А что бы она сказала на то, что я подобрал его добровольно, когда он меня ни о чем не просил?».

Бомж расстегнул молнию на куртке, достал из внутреннего кармана сигарку, коричневую длинную и тонкую, и вставил ее в рот. Затем снова залез в карман, достал зажигалку и закурил, наполнив машину голубым и очень вкусным дымом:

-Я закурю. Ничего?

Боря молчал, так как не успел сообразить, как к этому лучше отнестись: как к наглости или как к бомжово-наивной непосредственности.

- Спасибо. – удовлетворенно произнес бомж и развалился в кресле, устремив взор вдаль и дав Бориске возможность себя поразглядывать. Боря повернул голову и поразглядывал. Огромный мужик. Одет вполне прилично. Джинсы – толстые и теплые, совсем не заношенные. Если бы не пакеты, то можно было бы подумать, что новые. Борискины тоже были такими, но давно. Добрые ботинки. Кожаная куртка на меху, меховая шапка. Если их с Бориской поставить рядом, то еще неизвестно, кто больше будет

похож на бомжа. Вернее, известно.

- На заводе работаешь? – повернувшись к Боре, поинтересовался пассажир.

- Да так… Подхалтуриваю здесь иногда.

- А мне про тебя Васек рассказывал, мальчишка, у нас в садах живет. Это ты, наверное, его подвозил несколько раз. Говорит: «Ездит тут один на «девятке», всех подряд собирает, даже руку не надо поднимать». Тут у нас многие подвозят, автобус-то ходит как попало. Но это надо руку поднять.

- Чего же не поднял?

-Я обычно поднимаю, но сейчас-то я с пакетами. Скажут: «Бомжи вообще обнаглели, мусор уже пешком носить отказываются!». С пакетами я всегда пешком иду, но ты же сам напросился.

- А ты в садах постоянно?

- Можно сказать. Жить негде, а тут один знакомый, вместе работали, пускает на зиму, пока дача пустует.

- И живешь совсем без денег?

- Почему? Деньги есть, но их нужно растянуть до лета. Или ты что же думаешь? Мы и питаемся с мусорки?

- Откуда мне знать, какое у бомжей питание? – заржал в ответ Бориска.

- Слушай, не сочти за большую наглость, отвези до садов, если не торопишься?

- Ладно, за большую не сочту.

До садов было еще километра полтора. Пассажир впился Бориске в ухо:

- Меня зовут Георгий. Георгий Поспелов. Не слышал? В девяностые – весьма известная в городе фамилия. У меня все было: и жилье, и жена, и доход и своя фирма. Потом уехал в Израиль: так бизнес повернулся. Там все тоже пошло неплохо, жена туда перебралась, а тут все потихоньку продали. А потом раз, и что-то

изменилось. Там все угасло, жена вернулась на Родину. А я пытался там зацепиться, как мог. Жил на съемной квартире, работал плиточником. Кстати, стал классным плиточником. Кладу до тридцати квадратов за смену, а за квадрат беру не меньше… Да ладно, хорошо кладу. Качество – по высшей цене. Я бы и зацепился там, если бы не съемное жилье. Чтобы там остаться, надо было или иметь свое жилье, или быть евреем. Ты знаешь, чем еврей отличается от нееврея?

- Примерно.

- Чем? Ну ладно, уже приехали, в другой раз расскажешь.

- Давай в этот! – Бориска остановил машину перед воротами сада и стал рассказывать Георгию, чем, по его мнению, еврей отличается от не еврея: поболтать он любил, а поработать – не очень. – Переклинило у меня как-то шею. Голова вот так набок, и вот тут болит, болит. Терпел дней десять, думал, само расклинится. Но, вижу – не проходит, пошел в больницу. Прихожу. Невропатолог Елена Израилевна Бадейман. Спрашивает:

- Давно это у тебя?

- Дней десять.

- И что ты пришел?

- Как? Болит ведь!

- Что ты приперся, спрашиваю, тридцатого декабря? Завтра поликлинику на десять дней закроют, и что? Что с тобой делать?

- Так я думал, само пройдет, так уже было. А оно не прошло…

- Нет, это не поэтому. Это все потому, что ты - не еврей! Был бы еврей, пришел бы десять дней назад!

Я говорю:

- Ну, не еврей… Но у меня есть железное оправдание!

- Какое?

- Я же не виноват в том, что я не еврей!

- Ладно, - говорит, - раздевайся, раз не виноват.

- Ясно. – дослушав Борискину историю сказал Георгий, - но я имел в виду другое. Ни один еврей в Израиле не пустит тебя пожить на зиму у себя на даче.

- Почему?

- Во-первых, у него нет дачи. Во-вторых, там нет зимы. Ну, и в третьих: ты не еврей, и тут твое железное оправдание не поможет.

-Ясно. Ну, ладно, Георгий, я поеду. Работа…

- Не-е-е… Я же слушал тебя, когда ты хотел рассказать мне про свою шею. Теперь твоя очередь.

- Так это… У меня так работа сегодня не заладится.

- А ты руку подними!

- А потом опусти и скажи: «Да хрен с ней, с работой»?

- Да я же вижу, что ты ищешь повод не ехать на свою работу, и помогаю тебе по мере сил. Может, ты и приехал сюда сегодня не для работы, а чтобы со мной поболтать. Откуда ты знаешь, что на самом деле для тебя важней? Короче, слушай…

- Подожди. Ты, говоришь, классный плиточник?

- Да.

- Можешь класть плитку за большие деньги?

- Да. Так я и кладу. Летом. Дача-то летом занята хозяевами. Работаю, куда деваться… Хватает на съем квартиры, на жизнь. Ну, и на зиму надо запастись.

- А почему зимой не работать?

- Зачем? Что это изменит?

- Ну как? Нормально жить можно.

- Вот, смотри… Допустим, я сейчас работаю. Чтобы жить здесь и работать в городе, как минимум нужна машина. Значит, я уже должен, именно должен, батрачить на машину. Либо жить в

городе, но тогда я должен батрачить на съемную квартиру. То есть я должен буду заработать на то, что мне самому вовсе не нужно, а нужно только для работы! Получается: работа ради работы. И какая работа! Класть плитку, которую я кладу лучше всех, но при этом сильнее всех ее ненавижу!

- Понимаю, я и сам противник излишеств. Но все-таки, неужели не хочется жить, как люди?

- А я и живу, как человек. Все необходимое у меня есть. А против всяких приятных излишеств я, в принципе, ничего не имею, но работать ради этого…

- Нет, ну я еще могу понять, когда ты называешь излишеством машину, квартиру или еще какое барахло, при условии, что есть чужая дача на зиму. Но… - Бориска задумался – А семья, дети ? Путешествия, развлечения?

- По пунктам: семья была. Только я так и не понял, зачем она была мне нужна. Надо быть идиотом, чтобы обменять всех женщин мира на одну, сказав при этом: «Ты у меня одна - единственная на всем свете от любви и до гроба!», а потом, идя с ней под ручку, оборачиваться на каждую, проходящую мимо, жопу. Я еще понимаю, когда семью создают ради детей. Даже когда по залету, понимаю, хотя к детям у меня нет никакого… Я их вовсе не замечаю. Ну, ходят какие-то… Ну и пусть ходят, а мне такого счастья и даром не надо. Раньше думал: не созрел еще. А теперь понял, что это врожденная особенность. Путешествия: напутешествовался я. Я много где был, и вот что понял: люди мотаются по заграницам не ради самого путешествия или, там, не знаю, познания мира, постижения других культур, а ради того, чтобы можно было похвастаться где-нибудь в бане с друзьями: «А я был в Америке двенадцать раз!». И шмутку оттуда привезти - настоящую, американскую, и таскать ее, как звезду героя, чтобы все видели, что он там был. Для стеба! А я был в тридцати шести странах, так что для стеба мне никуда ехать уже не надо. А путешествия, особенно в Израиль, я ненавижу, хотя, конечно,

меньше, чем кафельную плитку.

- Хорошо, хорошо… Ты, поумнев, отказался от одной женщины в пользу многих. В пользу «всех женщин мира». Но, ведя такую… Такую лишенную излишеств жизнь, ты как раз и отказываешься от всех женщин мира!

-Далеко не от всех! Здесь, - Георгий кивнул в сторону садов, - половая жизнь кипит – мама не горюй! Причем, что я в ней особенно ценю, жизнь честная. В той жизни, которую ты называешь нормальной, общение с женщиной обставлено со всех сторон всяким враньем: «Я тебя люблю!». «Ты у меня такая, ну вообще! Я на других даже смотреть не могу!».

- А так не бывает?

- Не знаю. Я не видел, хотя весь этот бред и слушал, и сам говорил. А у тебя было?

- Нет, но верить хочется.

- Да верь, пожалуйста. Только в семейной жизни без вранья все равно не обойтись. «Дорогой, как тебе нравятся эти цветы, что я вырастила на подоконнике?» «Они восхитительны, как и все остальное, что ты вырастила на всех остальных подоконниках!» Вранье в семье – это обязанность. Вот ты можешь не врать своей жене? Она ведь у тебя, судя по всему, есть.

- Насчет вранья с тобой согласен, причем не только в семье, но и вообще. Я даже на эту тему исследования провел при помощи детектора лжи.

- Это как?

- На детекторе проверил всех, кого смог: жену, детей, соседей…

- И они все согласились?

- Согласия не требуется. Этот детектор - мое открытие, - с гордостью сказал Боря. – Человек что-то говорит, а прибор показывает, врет он или нет. Я знаю, когда он врет, а он не знает, что я знаю!

- И что?

- Все врут. Постоянно! Все! Так что, может, семья и ни при чем?

- Может. Но насчет «все» я бы поспорил. Вообще, никогда не говори «все» и «никогда». Я, например, никогда не вру!

- Никогда?

- По сравнению с другими – никогда. У меня просто необходимости нет. Я ничего никому не наобещал, ничего никому не должен, ни от кого мне, в общем-то, ничего не надо… Вот и живу в таком счастье: могу говорить правду налево и направо.

- Счастье, согласен.

- И это благодаря тому, что не участвую в нормальной жизни!

- Но ведь каждый нормальный человек хочет чего-то в жизни достичь. Или ты – ненормальный?

- Это как посмотреть. Самое большее, чего может достичь человек в жизни, – это постичь ту самую жизнь. Понять, что, пытаясь достичь благосостояния он служит деньгам и барахлу, а пытаясь добиться должностей и регалий, служит гордыне. А и то, и другое – глупые занятия, недостойные мыслящего человека. Я это понял, то есть уже достиг большего, чем все богатые и знаменитые. Так что, выходит, я вполне нормальный.

- А тебе не кажется, что при этом ты и не живешь вовсе? Если ничего не хочешь, все узнал, везде побывал? Если даже соврать, и то не хочется?

- Я не живу, а доживаю.

- Сколько тебе?

- Я же не виноват, что поумнел рано, не по годам. Что мне теперь - лечь и закопаться? А что ты сделал, когда узнал, что все тебе врут?

- Ничего.

- Ну, ты добился от них правды?

- Как ты говоришь - зачем? Что это изменит? Убрал

детектор подальше и забыл про него.

- Но ведь можно заставить их всех не врать, если они будут знать, что у тебя есть такая штука!

- Нельзя. Можно только добиться, чтобы жена ушла, дети стали неврастениками, а соседи стали обходить тебя за три версты. Кроме того, как я выяснил, порывшись в интернете, жены, например, врут исключительно с благими намерениями: чтобы сохранить семью, избежать скандалов, поберечь нервы мужа. Или, например, когда легче пообещать, чем объяснить, что сделать это невозможно.

- Соседи, жена – понятно. Но дети! Любой родитель хочет, чтобы ребенок говорил только правду. А если он с детства будет знать, что про него все известно, он к этому привыкнет и будет считать правду естественным состоянием. Да что врать! Он потом красть не сможет!

- Хорошую же я сослужу службу своим детям, если приучу их не врать и не красть, а потом выпущу в мир, где все только этим и занимаются! Кем они в этом мире станут? – заржал Бориска, - Бомжами?

Георгий тоже засмеялся:

- Теперь, когда ты все понял… - Георгий запнулся на полуслове, ему пришла мысль. - Слушай, вести такую полемику без бутылки – кощунство. Давай сгоняем до магазина и продолжим! Останешься… Кстати, и в половой жизни, может быть, поучаствуешь. Тут у нас ничего так девчонки водятся.

Бориска помолчал какое-то время: «Может, действительно, плюнуть на все, наврать что-нибудь жене и остаться? Такой свободой веет от этого предложения! Отдохнуть от нормальной жизни, которая, честно сказать, и ему порядком надоела. А вдруг честные бомжовки и вправду ничего окажутся?»

- Нет, не готов я.

- Брезгуешь? Ну, скажи честно!

- Да, есть маленько.

- Видишь, ты только у ворот жизни без излишеств оказался, а уже какой честный.

- Сам удивляюсь.

- Так пошли дальше! А насчет вранья и воровства я вот что скажу: у евреев с этим хорошо. А знаешь, почему? Потому, что они знакомы друг с другом не через шесть рукопожатий, как все, а гораздо ближе. Через два, через три, не знаю… Но не через шесть. А у своих как воровать-то? А у нас, если хочешь, чтобы не крали, нужно начинать не с воспитания или детекторов, а с налогов.

- Уменьшить?

- Нет.

- Увеличить?

- Нет. Просто легализовать те налоги, которые сейчас реально платятся.

- Как-как? – не понял Бориска.

- Вот смотри: я. Я в прошлом. Бизнес, коммерция… Налоги плачу? Да. Все до копеечки? Нет. У меня зарегистрировано несколько фирм и при помощи несложных махинаций… Не в технологии дело: ухожу от налогов, то есть плачу не положенный процент, а меньше. И так делают все предприниматели страны. Дальше: я плачу своим работникам ползарплаты официально, а ползарплаты – нет. Мои работники тоже платят только часть налогов, как и все остальные работники страны. Вот ты, например, какую часть от положенного платишь? – с видом инспектора спросил он Бориску.

- Я – никакую. Нигде не числюсь, что получил – то мое. Ну сам представь. Прихожу я в налоговую: «Мне тут денег дали, так я хочу отстегнуть на благо Родины!». Да они там все «дошираком» подавятся.

- Ну, тогда о тебе - чуть позже. Сперва о тех, кто хоть и не полностью, но платит. Их таких – целая страна. Народ. Народ, который весь ворует. Кто не ворует? Только пенсионер. По состоянию здоровья. Потому и нищий. Кто еще?

- Сейчас… У бюджетников вся зарплата белая!

- Это ты сейчас ментов поимел в виду?

- Учителей.

- Сейчас, сейчас… А учитель репетиторством занимается? Денежку получил - и бегом в налоговую, чтобы, если они там, после тебя не до конца подавились, то теперь уж с гарантией!

- Ладно… Нянечка в детском садике! Да мало ли кто не ворует!

- Да я же не спорю. Бывает, бывает… Но основная масса налоги недоплачивает, а это, как ни крути, воровство. Но… Все довольны! Все крадут, никому не стыдно, и денег всем хватает. Стране хватает, а людям – даже лишку, только они об этом не знают. И вдруг, представь, надо будет платить столько, сколько все и так раньше платили! Ничего не поменялось вроде, денег везде сколько было, столько и стало. Но! Сразу, вмиг, мы получаем миллионы честных людей! Целый народ, который не ворует. А тут ты… Не стыдно? Честные люди перестанут с такими здороваться, и пойдете вы в налоговую… Тем более, там платить-то надо будет совсем маленько. Вот с этой точки можно попробовать исправить наш народ в смысле воровства. Ну что, ворюга, рецидивист налоговый, отказываешься, значит, выпить с патологически честным человеком?

- Отказываюсь. А я вот думаю: ты такой честный всегда или только зимой, когда плитку не кладешь?

- Ну ты спросил! Как можно класть плитку и одновременно быть честным человеком?

Георгий вышел из машины, попросил Бориску закрыть дверь, так как у самого руки были заняты, громко крикнул: «Пока!», - и делово зашагал в свою лишенную излишеств честную жизнь. «Счастье. - подумал Бориска. – Действительно счастье – полная свобода, никаких обязанностей, и не надо никому врать. На кой только оно нужно, такое счастье!»

СВОБОДА ДЛЯ БИЗНЕСА

На фирме «Златогон» в очередной раз сломался вентилятор. Точнее, не сломался, а изгнил, превратился в ржавчину или еще какое вещество, как и десятки других вентиляторов, которые изгнили на этом месте раньше. Фирма «Златогон» занималась извлечением золота из отслуживших свое компьютеров. В каждом компьютере есть золото. Немного, но есть. И вот эта фирма принимала у населения мертвые компьютеры за небольшие деньги. Золото в компьютерах находится на контактах – они там позолоченные. Сперва эти мелкие контактики надо выковырять из компьютера, а потом бросить их в кислоту, чтобы медь или жестянка, которая покрыта золотом, растворилась, а золото осталось. В результате реакции образуется не только золото. Образуется еще ядовито-зеленая жижа и «лисий хвост». Жижи много. Она сливается в специальную трубу, которая ведет к огромной яме. Из ямы жижа уходит в землю. Земля вокруг давно уже пропиталась этой гадостью, отчего деревья в радиусе примерно метров двухсот погибли. Чтобы какой-нибудь эколог, случайно увидев это безобразие, не задал вопрос: «А почему везде деревья зеленые, а вокруг «Златогона» - нет?», «Златогон» периодически спиливает вновь высохшие деревья, так что зона экологической катастрофы вокруг фирмы все время расширяется. А может, деревья погибли и не от жижи, а от «лисьих хвостов». «Хвосты» - это струи оранжевого газа, выбрасываемые на несколько метров вверх стоящими на крыше фирмы вентиляторами. Вентиляторы откачивают газ из вытяжных шкафов, где идет реакция растворения контактов. Действительно, как деревья могли не погибнуть от «лисьих хвостов», когда эти «хвосты» за пару месяцев легко растворяют даже собственные вентиляторы?

Хозяин этого производства – Эдик Бардакчук. Он тут не только хозяин, но и главный технолог, и специалист по кадрам, и

лаборант. Есть и еще несколько подсобных рабочих, но он – главный. Каждый день он приходит на работу, накладывает и наливает в тару все, что нужно для реакции, включает нагреватели и вентиляторы и сидит целый день на табуретке, наблюдая за ходом реакции, считая граммы и унции и пересчитывая их в рубли и доллары. «Высиживает очередной «Мерседес», - как говорит про него Бориска.

Ну, а при чем тут Бориска? Конечно… Это его «Златогон» нанимает прокладывать трубы для жижи, пилить мертвые деревья и менять вентиляторы. Вот и сейчас, когда корпус одного из вентиляторов рассыпался, его позвали на халтуру.

- Здорово, Бардакчук!

- Привет, Бориска! Не сидится дома? Все по крышам лазаешь, вентиляторы починяешь?

- А куда деваться? Приходится.

- Правильно. А то совсем он качать перестал, вонь в помещение идет.

- А ты все над златом чахнешь?

- Чахну. Куда деваться?

- Что это у тебя? – спросил Бориска, увидев, что Эдик разбирает какой-то прибор.

- Увлажнитель воздуха. Купил, поставил дома, а он не увлажняет.

- А зачем он дома?

- Как?! У меня же паркет! Художественный! На заказ в Германии сделанный! Он требует правильной влажности в помещении.

- Ну, если паркет требует, тогда понятно. Что же ты? К Германскому паркету купил Китайский увлажнитель?

- Отечественный.

- Как это тебя угораздило?

- Да как-то так получилось. Знаю ведь, что из всего отечественного можно покупать только хлеб и проституток. Так нет, купил… Вот, смотри: бачок для воды протекает, вода попала в электрику… Не-е-ет! Ничего хорошего у нас никогда не будет!

- Не знаю, не знаю… У меня все отечественное, и ничего: работает, ездит… Ну, конечно, кроме увлажнителя. Я ведь не паркет германский, мне он ни к чему.

- А у меня…

- Может, не заслужил? Сам-то как работаешь?

- Я? Уж если я не заслужил, то тогда кто заслужил? Я с золотом работаю! У меня – все точно! Вот, написано: «13, 138 грамма». Значит, так и есть! Вот проба написана – можно не проверять. У нас знаешь, чуть что не так – сразу голову оторвут! Если бы все работали, как я, то все бы работало! А то… Емкость течет, на электрику попадает. Мясо купишь – половина воды. В колбасе – непонятно что. Сметана – вообще, говорят, не сметана! И так во всем! Без обмана – только хлеб и проститутки. Ах, да… Ты проституток-то не любишь. Зря, они вкусные.

- Брезгую.

- А чем они отличаются от не проституток?

- Тем же, чем падаль отличается от мяса. Падаль, по сути своей – мясо. Но только падшее.

- Ну, значит, только хлеб остается. И посреди этого бардака один только я работаю строго по технологии!

- А «лисий хвост»?

- Что?

- С граммами и пробами у тебя порядок. А с отходами? Бардак! Еще похлеще, чем во всей стране!

- Здрасьте! Это кто же говорит?! Бориска, который сам же и поставил мне вентиляторы и теперь сам же мне их меняет!

- Я не только вентиляторы поставил, я еще и трубу для твоей зеленой жижи в яму провел! А помнишь, когда трубы еще не

было, как мы с тобой вывозили твою чачу в канистрах на моей машине и выливали ночью, пока никто не видит, возле дороги?

- Вот! Сам-то?!

- Так я и помалкиваю. Я – как все. Как вся страна, и ты в том числе. Но есть и различия.

- В том, что тебе стыдно?

- Не стыдно.

- Фу-у-у… Слава Богу! А то я уже невесть что про тебя подумал. Так в чем различия?

- Во-первых, загаживаешь экологию хоть и моими руками, но все же ты. Решение выбрасывать отходы, на кого Бог пошлет, принимает кто? Ты. А если я откажусь это делать, то другие люди найдутся. И во-вторых: я кормлю своих детей. Деньги за то, что я помогаю тебе в твоем вонючем деле, мне нужны на жизнь семьи, то есть необходимы. А тебе они зачем? На четвертый «Мерседес»?

- Хорошо бы на четвертый! У меня же два всего.

- И «Харлей». Так что три.

- Да? Ну, ладно, пусть на четвертый. Их, сколько ни купи, все равно мало. А отечественного увлажнителя и одного – лишку. Не-е-ет, ничего хорошего у нас никогда не будет. А все почему? Нет свободы для бизнеса! В Германии свобода есть, и паркет нормальный. И колбаса, и пиво, и «Мерседес»…

- Тут дело не в отсутствии свободы, а в ее использовании. Они свою используют для пива, колбасы и «Мерседесов», а мы – для производства «лисьих хвостов», добавления воды в мясо и … У нас свободы для бизнеса не мало, а много. Нам не свобода нужна, а по паре надсмотрщиков на каждого. Один – чтобы все за нами проверял, замерял, нюхал, а второй – с автоматом. Вот тогда ты жижу лить, поди, не будешь!

- Я не буду, так другие люди найдутся. И что тебе моя жижа не нравится? Жижа как жижа. Эти отходы, по сути своей, -

удобрения. Но только очень концентрированные.

- То есть те деревья, которые я спилил, померли потому, что объелись удобрениями?

- Ну, конечно! А потом когда-нибудь концентрация упадет, и на этом месте все вырастет обратно, и даже больше, чем было. Так что от моих отходов одна польза, просто ты не смыслишь ничего в сельском хозяйстве. А еще потом, через тысячи лет, на этом месте будет месторождение малахита. А сколько будет стоить малахит через тысячи лет, это, наверное, даже ты сообразить можешь. То-то мне потомки спасибо скажут!

- А «лисий хвост»?

- Да он размешивается в окружающем воздухе и никому не мешает.

- А скажи, ты сам стал бы жить вон в тех садах, на которые обычно отсюда ветер дует?

- А там живут?

- Конечно. У меня там даже один знакомый бомжик есть и еще один мальчишка.

- Ну что плохого в том, что немного не очень ядовитых веществ попало на бомжа? Не о том ты думаешь.

- Да. Поболтать с тобой, конечно, приятно, но надо на крышу лезть.

- Да, да… А то у меня вся работа встала. Удобрения не текут, малахит не образовывается. Так я всех денег не заработаю!

ЧТО У БОРИСКИ ЕСТЬ

У Бориски есть все. Все, что необходимо человеку, для того, чтобы быть человеком. Квартира – есть! Обычная трехкомнатная квартира в обычном панельном доме. Конечно,

Бориска знает, что дома бывают покирпичней, чем у него, и квартиры в них бывают гораздо просторней, но он не завидует тем, у кого есть такие квартиры. Не сильно завидует. Нет, завидует, конечно, но не настолько, чтобы считать себя необеспеченным жильем и думать о том, как бы ликвидировать эту необеспеченность. В квартире у него тоже есть все, что должно быть в квартире. Во-первых, это, конечно, жена. Самая обычная жена, мать его детей. Конечно, он знает, что бывают жены, при взгляде на которых мужчины вмиг забывают о том, что у них жены уже есть, но у Бори нет зависти к обладателям таких жен. Можно выразиться еще точнее: он считает, что им не позавидуешь.

Есть в квартире и дети: дочка и сын. Самые обычные дети. Не вундеркинды, не дегенераты. И Бориска счастлив, что они есть и что между ними есть самая обычная любовь.

Из мебели и барахла в квартире тоже все есть. Ну, там телевизор, холодильник, кофеварки и кастрюльки всякие. Не хватает, правда, как считает жена, полки под обувь и, как считает сын, еще одного компьютера, но не настолько, чтобы прямо со следующей зарплаты купить эти, безусловно, нужные, но далеко не необходимые вещи.

Есть у них и машина. «Девятка». Не очень новая, но и не сильно старая. Возит всех который год и еще будет возить. Конечно, все они знают, что есть другие машины, на которых можно не просто ехать, а ехать и гордиться, Но владельцам таких машин они если и завидуют, то не настолько, чтобы побежать в банк и взять кредит на «породистую» машину, а также на то, чтобы покупку достойно отпраздновать.

Есть и доходы. Обычные. Доходы, как доходы. Хватает на то, чтобы все было. Конечно, хотелось бы доходов побольше, но

откуда им взяться, если работать больше Бориска ленится, а воровать не умеет? Да и зачем воровать, если и так все есть?

Счастье… Счастье, кажется, есть. Разве это не счастье, когда все есть? Хотя Бориска знает людей, у которых есть больше, но при этом они несчастливы, потому что не хватает им еще больше. Ну, так он понимает, почему это так. Чтобы быть счастливым, мало иметь все. Надо еще не иметь зависти к тем, у кого больше.

ЧЕГО У БОРИСКИ НЕТ

Совсем нет друзей! Приятелей, соседей, собутыльников, деловых партнеров – сколько угодно, а друга – ни одного. Раньше были. Но… Это только в кино да в песнях мужская дружба – навсегда. Мы умрем, а она останется. А в жизни случилось наоборот.

Были у Бориски два друга - Вовка и Генка. Все трое были тогда молодыми, жен еще не было, телефонов - тоже. Машина была только у Вовки. Приезжает, например, Вовка к Генке на работу: «Поехали куда-нибудь! Бухнéм!». И вот уже вдвоем едут они к Бориске, а потом все втроем - в общагу какого-нибудь института, или в баню на даче у Генкиного отца, или в парк, где раньше можно было неплохо подраться. Вот дружба была! А потом как-то Вовка взял у Генки денег на бизнес, да не отдал. Они, конечно, не раздружились, но осадочек остался.

В другой раз Вовка взял у Бориски и тоже не отдал. Ну, что же, бывает. Все трое, как и раньше, собирались вместе, чтобы бухнýть, но… «Что же это за дружба, - думал себе Бориска, - если

жизнь за друга я, как и раньше, отдать готов, а деньги ему дать – уже нет?»

Потом Бориска попросил денег у Генки. А Генка говорит: «Ты, дружище, бизнес-план составь, а я рассмотрю!». И опять все трое собирались и бухáли, а Бориска подумал: «Опять ерунда получается! Я у Генки как у друга могу попросить что угодно: хоть спина к спине встать и биться насмерть, а вот денег в долг попросить уже не могу… А может, и со «спиной к спине» все не так, как я думаю?»

Позже обзавелись женами. Вовка стал известным в городе кидалой, разбогател. Генка тоже поднялся, свой бизнес, все дела. У троицы остались нормальные приятельские отношения. Вовка, конечно, ничего никому не вернул, но они ведь друзья: он был понят и прощен, а Генку больше никто ни о чем не просил, и тоже проблемы как не бывало. Теперь если и собирались втроем, то у Вовки на даче или у Генки в коттедже. Соберутся, выпьют виски или коньяку, и давай орать: у Генки на «Мерседесе» зеркало само перещелкивается, чтобы не слепить водителя, когда сзади свет фар попадает, а у Вовки на БМВ зеркало не перещелкивается, зато можно голосом музыкальным центром управлять! Бориска послушал их год – другой, да и перестал откликаться на предложение «бухнем, как раньше». Выпить он может и дома, а с «друзьями» и поговорить-то не о чем, проблемы их даже не кажутся проблемами. Зеркало в Борискиной машине никогда не слепит, потому что всегда стоит в одном положении – направлено на заднее сиденье, где обычно дети, а музыкальный центр не только не управляется, но и вообще не стоит. Не стало у Бориски друзей. Они живы, а дружба умерла. Ну да ладно, так даже лучше. Сам с собой Бориска и обычную водку пить может, тогда как с друзьями – непременно американский виски, который Вовка с Генкой

называют «отечественным», или коньяк, который должен быть обязательно из Коньяка. От питья этих почитаемых его друзьями напитков он был не столько пьян, сколько задавлен. Не жадностью, ее у Бориски нет, как и друзей. Жабой: эта-то гадина есть у каждого.

Нет у него любимой работы. Бориска работу свою делает, но лишь для денег. Не любит он свое нестандартное оборудование.

А раз нет любимой работы, то нет в Борискиной жизни гармонии. Вот все вроде в жизни прекрасно, а гармонии нет! Какая же тут гармония, если вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, он вынужден треть, если не половину этой жизни тратить на зарабатывание денег, строя ненавидимое им нестандартное оборудование?

Мечты тоже нет. Мечтал быть моряком – как-то само рассосалось это мечтание. Мечтали с женой о квартире побольше – вот она, есть. Мечтали скататься за границу – скатались. О чем еще помечтать? Бориска даже не знает.

Ну, да ладно. Главное – счастье есть. Хотя, какое это счастье? Без мечты, без друзей, без любимой работы и гармонии? А где все это возьмешь? Этого ни заработать, ни украсть…

ГОЛАЯ ЖОПА

Рабочий график у Бориски свободный. Есть работа – работает, нет – свободен. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что, когда ее нет, можно заниматься своими делами или просто бездельничать не только в выходные, но и в будни. Но когда работа

есть в выходные, приходится работать, когда все отдыхают, а в этом, конечно, ничего хорошего быть не может. Но что поделаешь? Издержки профессии…

В то воскресенье работа у него была, и пришел он после нее домой даже не к ужину, а к его окончанию. Дети уже допивали чай, глядя мультики.

- Садись за стол, - сказала жена, - у нас сегодня курочка из духовочки.

- Да я уж носом чую, что из духовочки. Это кстати. – сказал Бориска, ставя на стол бутылочку

- У нас праздник?

- У нас!.. Во всей стране праздник! День Военно-Морского Флота!

- Ты-то при чем? Ты ведь о море только мечтал. Ты – моряк несостоявшийся.

- Пусть несостоявшийся. Но моряк! Тебе лить?

- Капельку.

Пока Бориска открывал бутылку и разливал, Маша поставила перед ним тарелку и стала убирать со стола за детьми, заслонив их собой от папы. Папа выпил, откусил курицы, вытянул ноги, расслабляясь. Одна его рука - та, которая была с рюмкой, опустилась на стол, а вторая – на Машину задницу. Не потому, что он, выпив и расслабившись, вдруг вспомнил, что у жены есть задница. Просто больше руке этой некуда было опуститься. А потом, абсолютно машинально, слегка сжала вполне аппетитную родную женину попку. Маша обернулась удивленно:

- А я уж думала, ты меня больше совсем не замечаешь.

- Ну… Как тут не заметить…

Детки доели конфеты и ушли к себе, не досмотрев мультик, жена продолжила, не желая упустить момент:

- Я отвечаю «да» на твое предложение. Дети уснут

где-нибудь в половине одиннадцатого. Только все не выпивай!

- Да тут уж почти ничего и не осталось. Я еще сбегаю. Беленького взять, как ты любишь?

- Возьми. А что мне одеть?

Дети улеглись, и Маша эффектно прошлась перед расположившимся на диване Бориской, одевшись, как он и просил. Плавные, в меру развратные движения, втянутый, насколько возможно, живот, обтянутый собранной за спиной руками рубашкой. Но главное – длина этой рубашки. Когда руки Маши опущены, то она опускается и возбуждает любопытство, а уж когда подняты – вообще глаз не отвести. Походив перед мужем сперва поодаль, а потом постепенно приблизившись, она села рядом с ним на диван. Супруги чекнулись, выпили и поцеловались. Для начала – скромно, по-пионерски.

Бориска уже собирался было распустить руки, но Маша сказала:

- Давай в эту комнату тоже телевизор купим? А то по телику в зале одни мультики идут.

- Да ну… К чему эти излишества? Новости посмотреть и так иногда можно, фильмы – по интернету. А зачем еще телевизор?

- Мне есть что посмотреть и кроме новостей.

- А, ну да! Мылодрамы твои любимые.

- Я мозгами отдыхаю, когда их смотрю.

- А! Ты мозгами устаешь! Зачем лишнее-то барахло в дом тащить? Какая жизненная необходимость во втором телевизоре?

- А что, в доме должно быть только самое необходимое, и все?

- Конечно. Скромнее надо быть.

- Конечно! И ходить с голой жопой!

- А что, ты считаешь, что мы – с голой жопой?

- Ну так, на грани. Иной раз посмотришь – вроде нет. А другой посмотришь – так и «да»!

- Что хочу я тебе сказать по поводу голой жопы… - начал рассуждать Бориска, закинув руки за голову, откинувшись на подушки и устремив взгляд в философские дали. - Твой критерий, по которому ты оцениваешь, насколько жопа голая, я, кажется, понял. Мы, наше благосостояние – это пограничная ситуация. Да?

- Да.

- Да-а-а… Купили новый телевизор – уже не голая, а сломался старый – совсем голая. Так?

- Примерно.

- Тогда что ты скажешь про жопу этой, как ее?.. Из первого подъезда. Сколько мы тут живем, все ходит и зимой, и летом в одном пальтишке, на всех местах заштопанном.

- Так у нее, бедненькой, сын все из дому выносит да пропивает. Полгода, как стулья вынес. Так, поди, без стульев и живут.

- Да какая разница, кто и что у нее вынес! Жопа у нее какая?

- Голая, конечно.

- А у Пряхиных? Правильно, не голая. Еще бы: в центре города живут, комнат – четыре на двоих, мебеля импортные, «плазма» в зале больше, чем у нас стена, три раза в год – то в Париж, то в Доминикану. Давай еще для составления логического ряда привлечем сюда, ну, скажем, Бардакчука. У него какая жопа?

- Хорошая, дай Бог каждому. Но там, конечно, сплошные излишества. Куда столько «Мерседесов»?

- Ну вот, твое мнение по поводу жоп этих четырех персонажей известно. Теперь давай предположим, что по этому же самому поводу думают они: Эта, как ее, Пряхины и Бардакчук. Думаю, что «эта» сказала бы, что она – на грани. Сын стулья пропил - с голой, а не пропил бы – так уже и нет. У нас с стобой –

скажет она, все отлично, а у Пряхиных – одни излишки. Куда столько комнат? Пряхины, конечно, скажут, что наша жопа голая, их – то да, то нет, а Бардакчук – молодец. Ну, а Бардакчук всех нас троих - и «эту», и нас, и Пряхиных… Он ведь свои «Мерседесы» лишними не считает. Наоборот, целыми днями золото свое варит, чтобы еще чего прикупить. За каждую копейку готов удавиться. В прошлый раз я ему цену за замену вентилятора всего на полтыщи больше сказал, чем обычно, так знаешь, что было! «Да я по миру пойду, если начну всем неизвестно за что приплачивать!». А если мы еще в эту компанию позовем какого нибудь нищего африканца? Он и «этой, как ее» обзавидуется. А теперь добавим среднего американского… Кого? Врача, военного, инженера, директора… Для него и Бардакчук – с голой жопой.

- Я поняла. Все относительно.

- Я не о том. Я пытаюсь проиллюстрировать простую мысль: жопа – это не объективная реальность. Голая она или не голая, зависит не от того, насколько она голая, а от того, что мы об этом думаем. Голая жопа – это функция зависти. Не было бы на свете Пряхиных, Бардакчуков и американцев - завидовать некому, и с жопой все в порядке. Голая жопа так-же и функция времени. Нужен был бы тебе телевизор, если бы мы жили не сейчас, а лет сто назад, когда такого слова никто не знал? И телевизора нет, и жопа не голая. Или будет он тебе нужен через сто лет, когда техника будет совсем другая и название «телевизор» все уже давно забудут? А теперь вопрос: зависит ли от этого, счастлив человек, или нет? От того, какая жопа – конечно, нет, так как это вообще не объективная реальность. А от того, что человек о своей жопе думает – конечно, да! Так что я всем, кто хочет быть счастливым, и тебя включая, конечно, советую считать свою жопу не голой, невзирая на то, какая она на самом деле, и никому не завидовать. Маша! Не нужен нам еще один телевизор! Давай наслаждаться счастьем, которое у нас есть и без него! – И, будучи в восторге от собственного выступления, попытался вернуть общение с женой в

естественное русло. - Давай-ка лучше, пройдись-ка тут еще…

Но Маша, видимо, его восторга не разделяла:

- Да! Я знаю! Рассуждать о том, что все относительно, – это куда проще, чем заработать новый телевизор!

- Зачем работать на ненужное барахло? Как ты не понимаешь? Тогда получится, что вся жизнь будет на это потрачена. Не жалко?

- Жалко! Что вся жизнь потрачена на то, чтобы жить в нищете! У тебя все – ненужное барахло. И телевизор, и диван, и вообще все, чего у нас нет. «Давай купим микроволновку!». «Ты что? Еще мы фастфуд не ели!».

- Вот Федор Михайлович Достоевский сказал по этому поводу, что жить и не меняться – это безнравственно. А я, сколько с тобой живу, у тебя все одна дрянь на уме. Диван, ковер, что там еще? И вообще! Не ори! Детей разбудишь!

- О детях вспомнил! Над ними уже, поди, смеются. У них все – сплошной отстой! Телефоны, одежда, лыжи…

- Я не хочу, чтобы дети думали только о барахле!

- Это все не барахло, а необходимые вещи. В конце концов желание жить не хуже, чем другие – естественное желание человека.

- Которое называется «жадность» и «зависть».

- А желание не иметь ничего лишнего называется «лень» и «безделье»!

- Это я-то бездельник?! Ну, знаешь! – Бориска растопырил перед собой давно вынутые из-за головы ладони и поводил взглядом из стороны в сторону, как будто искал что-нибудь потяжелее, чтобы стукнуть жену по голове, - Да что с тобой разговаривать?! Как меня достала тупость эта! Все ! Иди! Пристала со своей голой жопой, как банный лист! Давай! Устал я от тебя! Спокойной ночи!

БОРЕЦ ЗА ИДЕЮ

Бориска болтался по городу. Он приехал из Старососновска, но человек, позвонивший ему вчера и назначивший встречу для обсуждения заказа на изготовление станка, встречу перенес. Поскольку Бориска приехал на общественном транспорте, ему ничего не оставалось, кроме как болтаться по городу три часа. Первый час он убил в кафе, где выпил пару кружек пива и заодно пообедал. А куда деть еще два часа? Куда пойти? Может, в книжный магазин? Там запросто можно проторчать час-другой, беря с полок книги и читая их из пятого в десятое, делая вид, что выбираешь, которую же купить.

До книжного оставалось всего ничего – только перейти дорогу. Бориска, как и положено изредка посещающему мегаполис колхознику, подошел к проезжей части строго на пешеходном переходе, дождался, пока автомобиль, пропуская его, остановится, и не торопясь двинулся через улицу. Вдруг из-за остановившегося перед Бориской авто выпорхнул огромный черный джип и понесся на Бориску, который уже прошел перед носом стоявшей машины и топал дальше по «зебре». Визг тормозов, Бориска застыл на месте от неожиданности, но за миг до того, как огромная фара ударила его в живот, убрал его назад насколько возможно, отчего голова подалась вперед… «Больно, вли-и-ин!» - схватился он за ухо, по которому пришелся удар бокового зеркала.

Из остановившегося сразу за «зеброй» джипа вышел его хозяин, внимательно осмотрел и вернул в правильное положение сложившееся зеркало и посмотрел на Бориску, который уже вытирал рукавом кровь с уха:

- Ты че, слепой?!

- Так это… - извиняющимся голосом проговорил Бориска, показывая обеими руками на полосатый асфальт.

- И что? А посмотреть по сторонам уже не судьба? – зло сказал хозяин джипа, но вдруг дружелюбно заулыбался. - Эх, Бориска ты, Бориска… Как был бестолковым…

- Леший! – узнал Бориска своего одноклассника Васю Лешакова. - Здоро́во!

- Инспектор ГИБДД Сидоров! – вклинился в разговор словно с неба свалившийся гаишник.

- Командир, - сказал ему Вася, - все нормально. Это Бориска, мы с ним – свои люди, так что не кипишуй!

- Переставьте автомобиль к тротуару и пройдите в нашу машину, – словно не слыша Васю, сказал Сидоров.

- Ладно! – Вася сделал все, как было велено, и уже через полминуты покинул гаишный экипаж, застегивая на ходу свою барсетку.

- Может, ко мне? – спросил он Бориску, когда тот залез в его джип и уселся на пассажирское сиденье. – Ты что сейчас делаешь?

- Да по городу шатаюсь до четырех часов. Договорился с одним деятелем встретиться в час, а он перенес на четыре. Вот, попил пивка, теперь хотел еще в книжном потолкаться.

- Ты договорился встретиться насчет постройки станка для обмазки электродов?

- Да.

- Я, Бориска, не деятель, а занятой человек. Встречу перенес потому, что иначе нельзя было. Но я уже освободился, так что давай встретимся не в четыре, а прямо сейчас.

В офисе у Васи оказался коньячок, который, конечно, был весьма кстати.

- Ну, давай, Бориска, за то, что я, слава Богу, тебя не задавил! А то как бы некрасиво получилось! Задавил школьного друга…

- Да-а-а! Да еще потом бы и посадили!

- Да ну… Насмерть я тебя, скорее всего, не задавил бы. Дал бы денег на лечение, да еще на то, на се… Договорились бы. Конечно, если бы насмерть – тогда да-а-а! Тут уж всем бы давать пришлось. Адвокатам, судьям, родственникам твоим. А сидеть зачем? Тебя уже все равно не вернуть. Какой смысл?

- Может, ты и прав. Но все равно, в другой раз поаккуратней на пешеходном.

- Да ладно, ладно. Я всегда так езжу. Понимаешь, если я не буду нарушать, то жизнь потеряет для меня остроту, станет скучной и неинтересной.

- А ничего, что ты, ради того, чтобы не скучать, подавишь одного-двух?

- Может, и не подавлю. До сих пор не подавил!

- Ну, а подавишь, так деньги есть на адвокатов и судей.

- Да ладно, что мы все об ерунде какой-то? Столько лет не виделись! Хотя тут ведь дело не только в том, что я люблю погонять. Это ведь система. Ездить по правилам просто невозможно. Потому что дороги, менты, сами правила такие, что… И это специально сделано, чтобы все нарушали и любого можно было остановить и трясти.

- Я вот могу ездить по правилам, меня не трясут. И не вижу никакой системы.

- А что у тебя есть?

- В смысле? Все, кажется, есть.

- Вот именно: кажется! Что есть у тебя? Деньги? Бизнес? Машина нормальная? Недвижимость за рубежом? Вот и езди по правилам, и ничего никогда у тебя не будет! И трясти не будут: что с тебя взять?

- А зачем мне недвижимость за рубежом?

- Эх, Бориска ты, Бориска! А для чего человеку жизнь-то дана?

- Чтобы иметь недвижимость за рубежом и дорогую тачку?

- Конечно! Жизнь – чтобы получать от нее удовольствие! А какое удовольствие без денег, без тачки, без виллы? До стольких лет дожил – ничего не понял, Бориска ты, Бориска!

- А нельзя одновременно иметь виллу и ездить по правилам?

- Да ты что?! Ты еще скажи, бизнес вести, как положено, и все, что положено, им отдавать! Вот тут и будет тебе вилла!

- Ну, виллы не будет, так полвиллы получится. Если умерить собственную жадность, то этим вполне можно удовольствоваться.

- Бориска ты, Бориска… Объясняю же тебе: это система. Что на дороге, что в бизнесе. Все сделано так, чтобы по закону жить было нельзя. А когда все живут не по закону, то любого можно в любой момент… Менту не понравился, против власти что сказал: сразу иди сюда!

- Да ты просто борец с системой.

- Ясное дело! А, по-твоему, я кто? Баран из стада?

- По-моему, обычный вор.

- Почему?

- Сам же говоришь, что не отдаешь им ничего.

- Какое же это воровство? Я же заработал! И им отдай! С какой стати?

- А сегодня?

- Что?

- Сидорову подал?

- Так я же дал, а не украл. Он – взял. То есть, можно сказать, что украл. А я?

- Ну…

- Ну что?

- Сейчас… Вы вместе с Сидоровым украли мое право не быть задавленным на пешеходном переходе! Во!

- Мощно!

- Вася, а у тебя, правда, вилла?

- Нет, пока только половина. Но к сорока пяти я должен иметь виллу! При чем тут жадность? Куда ее умерить? Нет, Бориска ты, Бориска, с такими мыслями у тебя и половины виллы не будет. Ты безнадежен! Так что давай займемся мной. Как мы там будем электроды обмазывать?

МЭР МОРЖОВЫЙ

Полковник Лампасов Василий Васильевич был на пенсии уже третий день. Он полулежал на диване и, тупо уставившись в телевизор, прокручивал в голове свой жизненный путь, вспоминая основные вехи и подсчитывая в очередной раз достижения. Вся предыдущая жизнь отставного полковника была связана со штабом. В каких только штабах он не служил! Побывал во всех родах войск и военных округах, пожил во всех часовых поясах и климатических зонах необъятной Родины. Все штабы, в которых ему довелось поработать, отличались только внешне. Штаб мог быть под Читой или в Ташкенте, в танковой части или в железнодорожной, новым панельным или старым деревянным, но штабная жизнь всюду была одинакова.

Это солдату, караулящему посреди штаба полковое знамя, штаб видится мозгом, управляющим войсками, а лейтенанту, раскрасневшемуся после учебной атаки своего взвода на заснеженном полигоне, – наискучнейшем на земле местом, где многочисленные бездельники перекладывают с места на место никому не нужные бумажки. На самом деле штаб – место, где пульс жизни бьется куда нервней, чем на учениях и марш-бросках. За потоками втекающих в штаб и вытекающих из него директив, приказов и других бумаг с печатями постороннему глазу не видно

главное назначение штаба. Штаб на самом деле существует для того, чтобы его обитатели делали карьеру. Плавно, год за годом и день за днем двигались к вожделенным большим звездочкам, папахам и лампасам, подсиживая, ходя по головам и обгоняя друг друга на бумажных поворотах.

Когда Лампасов был еще старшим лейтенантиком с малюсенькой штабной должностишкой, довелось ему схлестнуться в бою за очередную ступеньку на карьерной лестнице с лейтенантом Чугуновым.

Приехала в их штаб как-то очередная папаха, каких немало приезжает в штабы по поводу и без, и ну тягать Лапасова:

- Почему этот плакат тут, а не там?!
- Почему урна не покрашена?!
- Почему дверь открывается в противоположную сторону?!
- А директиву зам. главкома сухопутных войск по ВУЗ от такого-то-такого-то за номером 2233556 «д» вы изучили? Да? Тогда доложите, о чем в ней говорится в пункте «2-г»! Запамятовали? Почему?!

Молодой Лампасов честно рассказывал папахе о причинах, по которым указанные недостатки не были исправлены в срок, то есть до приезда папахи, о том, что лично он, Лампасов, не имеет никакого отношения к данному плакату, а тем более, к дверям и урнам. Пообщавшись таким образом с папахой минут пять, он понял, что должность, которую он планировал занять в этом году, ему не светит и в следующем, хоть бы он даже выучил все директивы всех замов, перевесил дверь и покрасил урну.

После Лампасова папаха переключилась на Чугунова. Чугунов был помладше и планировал занять ту же должность, но после Лампасова, позже, может, через год или два.

- Почему……?!

Чугунов, не моргнув глазом, достал из кармана блокнот и что-то быстро в него записал:

- Исправим, товарищ полковник! Сегодня же!

- А вот тут у вас……. Почему?!

Чугунов снова записал. Потом еще и еще… Уже грозное «почему» помягчело, а вскоре и вовсе исчезло:

-А вот еще бы и эту схемку подправить, и те графики перевесить… Был бы полный порядок! Как фамилия-то говоришь? Лейтенант…

- Чугунов!

- Молодец, Чугунов!

Дверь не успела еще захлопнуться за папахой, а Чугунов уже вырвал из блокнота исписанные листки, выбросил их в некрашеную урну и снисходительно посмотрел на Лампасова, который всего десять минут назад был его постарше.

В следующий раз судьба свела их с Чугуновым, когда оба они сами стали папахами и, конечно, оба мечтали о лампасах.

Как-то зашли в их штаб заезжие лампасы и спросили:

- Лампасов! А это почему!?

А после – к Чугунову. Тот, как обычно, вытащил блокнот. Где он сейчас, тот Чугунов, со своими лампасами и блокнотом? А Лампасов - с полковничьей пенсией, перед телевизором. Жена на работе, дети далеко, никому не нужен… Что остается? Смотреть в телевизор, где губернатор на стройке какого-то объекта задает вопросы какому-то Мэру: « Почему?», да «Почему?». А тот мычит что-то, как будто говорить разучился.

«Ну прямо как в штабе. Им бы Чугунова туда, на их стройку…» - подумалось Лампасову, но от следующей мысли он

быстро встал с дивана, включил компьютер и, как и положено штабному полковнику, напечатал огромными буквами название нового документа: «ПЛАН». До вечера он, морща лоб и сдвигая брови к переносице, стучал по клавишам, рылся в сайтах, а когда пришла с работы жена, не дождавшись, пока она снимет пальто, заявил ей:

- Все! С завтрашнего дня иду в политику!

- С завтрашнего? В политику? Ты же ремонт на кухне начать собирался!

-Да на кой та кухня! Через неделю регистрация кандидатов на выборы мэра Старососновска заканчивается, а у меня еще документы не собраны!

- Какие выборы, какой Старососновск? Сам же говорил: «На пенсию выйду – квартиру отремонтирую!».

-Да на кой нам та квартира! Выберусь в мэры – в Старососновск переезжать будем!

-Да на кой нам этот Старососновск? Я там что делать буду? В кои-то веки осели в приличном городе, где работа мне есть, магазины нормальные, театр… И снова! Старососновск! Раньше за должностью вечно непонятно куда ехали, а теперь ради чего?

-За должностью, за должностью! Хочу себе хорошую высокооплачиваемую должность. Скучно на пенсии. И квартиру ремонтировать скучно. То ли дело мэром! Зарплата – о! – он раздвинул руки с загребающими воображаемые деньги пальцами на максимально возможное расстояние. На кой тебе театр? Есть-то он есть, да много ты в него ходишь? А там… Стройка, губернатор, совещания, заседания, отчеты…

Да еще подумал: «И блокнотик, как у Чугунова, заведу…»

Бориска возвращался домой. Он только что отвез семью в деревню к бабушке и на обратном пути заехал в магазин за бутылочкой, что делал всегда, когда оставался вечером один. Бросив машину возле подъезда и поднявшись на свой этаж, прямо

перед собственной дверью обнаружил странную компанию. Их было трое. Один - мужик, одетый в жутко цветастую рубаху, барабанил костяшками пальцев в Борину дверь, а другие двое - мужик и тетка - увлеченно делили деньги. Увидев поднимающегося по лестнице Бориску, они прекратили передавать друг другу купюры, цветастый сказал: «Давайте подвинемся, человеку пройти надо». Троица сгрудилась у двери, окончательно перекрыв проход и Боря, не понимая, что им может быть нужно от его двери, молча встал перед ними.

- А, так вам сюда?! – обрадовался цветастый. - А мы как раз пытаемся достучаться до хозяев этой квартиры.

- Зачем?

- Понимаете, мы проводим агитацию по выборам мэра Старососновска. Я – кандидат в мэры Лампасов Василий Васильевич, полковник в отставке - хотел бы поговорить с вами…

- Пройти дай! – с угрозой сказал Боря, который, конечно же, не поверил ни единому слову.

Кандидат замолк и отодвинулся в сторону, остальные засунули деньги в карманы и тоже расступились. Однако хозяин двери тоже остановился в нерешительности: страшновато открывать дом, находясь посреди этой подозрительной банды. И вдруг тот, который делил деньги, расплылся в улыбке:

- Бориска!

Боря обернулся, и, хоть и не сразу, но вспомнил фамилию:

-Матушкин! Да тебя узнать! А ты куда пропал после того, как зашел ко мне с каким-то атаманом ряженым?

-Я пропал? Ты же сам пропал! Я приехал после казачьих дел, а «Карфагена» твоего нет, на том месте - новый дом. Поспрашивал-поспрашивал: говорят, что Бориска тут не проживает.

-А… Ну да! А я вот тут теперь, в Старососновске.

Пока Боря открывал дверь, Матушкин и тетка достали снова деньги, быстренько доделили их, и тетка, сказав: «До завтра, Василий Васильевич!», зацокала каблуками вниз по лестнице.

- Ну, рассказывай! - весело сказал Матушкин Боре, когда все трое разделись, прошли на кухню и уселись вокруг стола.

-Да что тут особо рассказывать? «Карфаген» снесли, нам с маменькой дали квартирку. Потом женился, квартирка стала мала. Поменяли на побольше, но подальше. По пятьдесят? – Боря достал из пакета бутылку…

-Не, я за рулем. Чайку поставь, сейчас поболтаем, да поеду. Еще сколько пилить от вашего Сосновска.

- Матушкин! – встрял цветастый. – Давай, я по-быстрому поагитирую и пойду дальше, у меня по плану еще двенадцать квартир осталось. А ты потом распивай, сколько хочешь.

- Бориску? Агитировать? Я тебя умоляю! Иди лучше в двенадцать квартир.

- Вы и вправду ходите агитируете? – удивился Боря.

- Я же сразу сказал! Полковник Лампасов Василий Васильевич. Кандидат в мэры Старососновска. Провожу агитацию.

-Да мало ли кто что сказал? А Матушкин прав. Меня агитировать не надо. Я и на выборы-то не хожу. В особенности на выборы мэра Старососновска.

-И зря! - Убежденно начал Лампасов свою песню. - Неужели вам все равно, как живет ваш город, как он будет развиваться, на что тратятся бюджетные…

- Я отвез в деревню семью и хочу прямо сейчас выпить вот эту бутылку и побездельничать. И как он там живет, этот город…

- Ладно. Борис… э-э-э…

-Бориска.

-Дайте мне, пожалуйста, пять минут на речь, и я уйду.

-Ну, так и быть. Две!

-Ладно. Я – полковник…

-Подожди, полковник! – прервал его Боря. Он взял стоявшую на столе кружку, посмотрел в нее внимательно, дунул на всякий случай внутрь, налил полкружки водки, не торопясь выпил, как будто это была вода. – Вот теперь давай! – И принялся хрустеть огурцом.

- Я – полковник Лампасов Василий Васильевич…

Матушкин изменился. Лицо пожухло, кудряшки слегка распрямились, а может, просто поредели, живот выпер далеко за линию груди. Ну, да что тут удивительного: столько лет прошло! Но главное – он стал иначе улыбаться. Улыбался он, как и раньше, постоянно, но если раньше это был рот до ушей и широко открытые миру глаза, то теперь улыбалась только половина лица. На той половине, которая улыбалась, край губ поднимался вверх, глаз прищуривался по-доброму, и получалась почти что лучезарная улыбка, тогда как на другой половине губы были неподвижны, а глаз смотрел в упор из-под брови. Причем Матушкин всегда поворачивался к собеседнику веселым глазом. Видимо, он стал таким двуличным уже давно, и теперь, даже когда он не улыбался вовсе, рот его размещался на лице криво. Пока полковник нудил про дороги, бюджеты и борьбу с коррупцией, Матушкин, подперев подбородок рукой, все смотрел на Бориску улыбающейся половиной лица, а Бориска, почти не обращая внимания на них обоих, организовывал себе закуску, чтобы потом не отвлекаться на это и процесс подготовки к безделью был непрерывным, то есть максимально приятным. Ломал батон, резал огурчик и помидорчик на кругляшки и посыпал их солью, открывал томатный сок… Последним штрихом в сервировке был стопарик, налитый наполовину: первые три полных стопки, которые любители поужинать с водочкой обычно выпивают почти подряд, Бориска предпочитал выпить разом из кружки, а дальше, уже никуда не торопясь, ужинать с половинками стопок:

- Знаешь, полковник, на то, чтобы порезать огурец и

помидор, у меня обычно уходит две минуты. Да не обижайся, Вася! Ты со мной только время теряешь. Давай я лучше выпью за то, чтобы в двенадцати квартирах тебе повезло больше!

Пока Бориска выпивал и закусывал, Вася, сказав: «Да я и не обижаюсь», поднялся, захватил свой стоявший на полу портфель, надел туфли и вышел из квартиры.

- Блин! – почти крикнул Бориска.
- Что! – испугался Матушкин.
- Да мэр этот твой! … Моржовый! Очки забыл!
- И что?
- Что?! Еще припрется!
- Да он ничего мужик, вообще.
- Да сколько угодно. Просто, не люблю полковников. Еще с тех пор, когда в армии служил. А мэров – еще больше.

Матушкин вскоре решил никуда сегодня не ехать, а остаться ночевать у Бориски, после чего принес из своей машины еще две бутылки и колбасу. И под водочку рассказал Бориске, что тогда, давно, они с атаманом уехали к морю, где атаман провозгласил себя предводителем местного казачества. А как иначе? Погоны-то на нем казачьего генерала! Заливал всем, что потомственный казак: «Не верите? Да я с детства в седле! Вот дайте мне коня и шашку! Вот только дайте! Сразу увидите, что не вру!». Проказачествовали они почти полгода, успев обложить данью нескольких кооператоров, а потом появились настоящие местные казаки. Ни коня не дали, ни шашки. Сломали Атаману нос, Матушкину – ребро, и гастролеры, переодевшись в вокзальном туалете в гражданское и бросив там же, в туалете, шинели с золотыми погонами, подались в родные края. После этого Матушкин пытался начать несколько разных дел, но все они прогорели. Первое удачное – производство топок для сжигания опилок. Дело вообще-то сперва было не его. Его наняли работать в

офисе - обзванивать потенциальных клиентов и втюхивать им топки «по спецпредложению».

На любом деревообрабатывающем производстве есть гора опилок. Это отходы, которые никто не знает, куда девать. А если установить котел со специальной топкой, то и отходы утилизируются, и тепло производится. Топка дорогая, несколько миллионов, окупается долго, производители покупать их не хотят. Но если найдется хотя бы один заказ в год, то фирма, производящая их, уже процветает. И Матушкин эту одну топку смог продать. А потом, пока топку строили, нахватался опыта: где какие комплектующие заказать, кого нанять на монтаж, как организовать доставку. А фирма после монтажа этой топки возьми да и развались: хозяева переругались из-за денег. Матушкин же сообразил, что надо делать. Он стал обзванивать, как и раньше, все подряд лесопилки и мебельные фабрики и нашел еще один заказ. Открыл быстренько свою фирму, нанял теплотехника, специалиста по топкам, получил предоплату, и… Все получилось. Но после этого прошло уже полгода, заказов больше не было. И вот он нашел полковника. Сейчас Матушкин помогал ему деньгами на предвыборную кампанию за то, что потом, когда тот станет мэром, на всех лесопилках Старососновска будут стоять топки Матушкина. Так что Матушкин – не член полковничьей команды, а кошелек. А вот Люба, та которую Бориска видел на лестнице, - член. Она, как и сам полковник, ходит по квартирам и агитирует. Бесплатно. Но потом он отдаст ей на съедение Старососновское жилищно-коммунальное хозяйство. Люба эта сидела уже за растрату, так что ЖКХ, стань полковник мэром, окажется в надежных руках.

Когда Вася вернулся за очками, Бориска с Матушкиным доедали вторую бутылку и вторую сковородку яичницы с колбасой.

Полковник прошел в кухню, плюхнулся на табурет, бессильно опустив голову и плечи, и тупо уставился на Матушкина.

- Тяжко? – спросил его тот.

- Не то слово! От этого хождения устаешь хуже, чем от… - Он не нашел подходящего сравнения, так как лопатой махал очень давно и уже забыл, каково это, а вагонов не разгружал вовсе. – А еще домой ехать! А утром – обратно!

- Оставайся. – предложил Бориска, который к концу второй бутылки уже гораздо лучше относился и к мэрам и к полковникам.

- А это удобно?

- Да.

- Тогда налей мне полкружки, как себе! Ты, когда пил, я чуть слюной не подавился!

Выпили. Вася - почти полную кружку, а Бориска с Матушкиным – по чуть-чуть.

- Столько труда и нервов на эту агитацию уходит, - плакался полковник, закусывая, - а толку, похоже, не будет. В девять из десяти квартир вообще на порог не пускают, а уж если пустили, то слушать ничего не хотят. Они думают, что я пришел к ним затем, чтобы послушать, какое дерьмо все эти мэры, кандидаты, депутаты… Кого я так сагитирую?

- Так брось! Все равно тебя не выберут. – весело сказал Бориска.

- Смешно ему… Лучше бы взял да помог.

- Так Матушкин говорит, что на тебя надо бесплатно работать. Или, еще лучше, тебе денег дать!

- Давай подумаем, чем тебя можно заинтересовать.

- Я бы ничего не имел против ЖКХ, но… После Любы там вряд ли что останется. А я что красть буду?

- Ты чем занимаешься?

- Нестандартным оборудованием. Изобретатель – конструктор – умелец. Принимаю заказы на изготовление чего угодно.

- О! Так это то, что нужно! Можешь принять заказ на освещение улиц?

- Конечно.

- Мы весь этот город осветим фонарями твоего производства, а стоить те фонари знаешь, сколько будут! Давай, с завтрашнего дня вливайся в команду!

- В банду.

- Нет, ну мы же и на город работать будем, не без этого. Без ЖКХ ведь все равно не обойтись, а оно все равно этот город доить будет, Люба на нем сидит или не Люба. Топки – тоже дело хорошее, от них польза не только Матушкину, но и заказчикам, и городу. Освещение – тоже. Вот нынешний мэр, Безродов ваш – форменный бандит. У него банда – всем бандам банда. Ничего не делают, только земли вокруг под коттеджные поселки распределяют.

- Безродов до того как стать Мэром, был мелкий бизнесменишко. Так, ничего особенного. Пара рекламных щитов «Безродофф» на въезде в город, несколько банок краски «безродофф» на рынке. Говорят, будто старое городское начальство, еще коммунерское, сильно его прижимало. Вот он и пошел в мэры, чтобы дела свои поправить. Пришел – построил старое начальство и говорит: «Кому из вас и сколько я принес – все вернуть с процентами, или хуже будет!». А процент в те годы помнишь? Процент в день. Говорят, все ему вернули, даже кто-то из бывших даже квартиру продал. Хотя с чего бы там квартиры взялись? С двух банок краски, что ли? Мне эту историю Витек рассказал. Он раньше каждое лето на площади кафэшку держал. Летнюю. Так Витек радовался, что у нас теперь такой мэр. Говорил: «Отличный мужик! Справедливый! Может, теперь за разрешения всякие поменьше отстегивать будем.» А мэр выступил на

областном телевидении: «Главное, что я буду делать – развивать инфраструктуру!». И развил! Теперь не «Безродофф», а «Безродофф групп»! На въезде в город – огромные ангары, два магазина строительных, за городом – логистический центр. Все – «Безродофф». Каждая вторая фура, въезжающая в город, – «Безродофф». Опутал собой весь город, пора его уже в Старобезродовск переименовывать А Витек кафе больше не держит. За него столько надо стало платить, что смысла нет. Вообще ни одного летнего кафе в городе не стало. Конечно, по сравнению с этим у тебя – так, маленькая бандочка.

- Шаечка! – вставил Матушкин.

- Вот и давай к нам!

- Представляю! Сидит такой полковник Вася дома на диване и думает, где бы что спереть. Почесал-почесал репу: «О! В мэры пойду!»

- Почему обязательно «спереть»? Я сперва просто должность хотел. У мэра ведь зарплата хорошая, жить можно. Но потом познакомился с одним политологом. Специалист по выборам, по агитации… Он говорит: «Я - либерал. Мне по барабану, кто там мэр, в этом Старососновске. Кто мне вот столько денег даст, тот и будет!».

- Так дал бы!

- Дал бы! Я ему говорю: «Ты что?! Я столько денег за тридцать лет службы не заслужил! Да если бы я из училища не лейтенантом, а сразу полковником вышел, и то бы вряд ли заслужил!». А он: «Мэром будешь – больше наворуешь!» Я его, конечно, послал. Говорю: «Я не воровать иду, а политикой заниматься!» А потом… Денег на предвыборную надо – вот Матушкин появился. Помощь в агитации нужна – Люба. А чем ей заплатить? Вот, ЖКХ и пообещал. Не я такой - политика такая. И еще народ нужен, а что я еще могу людям дать? Вот, освещение еще осталось. Соглашайся!

- А что я твоим избирателям, своим соседям, могу сказать про тебя хорошего, чтобы ты им понравился и они отдали бы нам этот город на разграбление на четыре года?

- Мы дадим тебе буклет, там все написано! Полковник, порядочный человек, с опытом руководящей работы…

- Не ворует…

- А что тебе не нравится? Я пока еще ничего не украл!

- А только собираешься. Мэром еще не стал, а коррупцией уже оброс. Любе – ЖКХ, Матушкину – лесопилки, мне – освещение. Сколько еще тебе людей для агитации не хватает?

- Честный такой! А я знаю, почему. Потому, что меня не выберут. А вот пришел бы к тебе Безродов и сказал: «Делай освещение!». Ты рассказал бы ему про две банки краски, «Безродофф групп» и инфраструктуры?

- Скорее нет: зачем человека лишний раз носом в дерьмо? Но и воровать с ним не стал бы. Я – человек феноменальный: мне и так всего хватает.

- Всего? Да у тебя же ничего и нет!

- Ничего лишнего. А все необходимое – есть.

- Ну, так тем более! Нам такие люди во как нужны! Будешь работать за идею!

- За идею – могу! Товарищи! Голосуйте за Васю! Он, конечно, полковник. И хочет стать мэром. И, как и другие кандидаты, развешивает вам лапшу про дороги и детсадики, но только потому, что так положено. Кандидат в мэры должен эту лапшу развешивать и ничего тут не поделаешь. Но! Это в нем не главное! Вася – борец с коррупцией! Он хочет победить коррупцию в одном отдельно взятом городе – в нашем Старососновске. Он, единственный из всех мэров России, будет работать мэром только лишь за одну зарплату!

Матушкин выпучил глаза на Борю:

- Ну, так-то врать!

- И его команда, - продолжил Бориска, указав пальцем на

Матушкина, - тоже!

- Вася! Гони этого агитатора!

- Да пусть порезвится.

- А деньги, которые не будут украдены Васиной администрацией, пойдут на дороги и садики. Любой другой мэр, которого вы выберете, сразу посадит на ЖКХ какую-нибудь бабу, которая уже сидела за растрату, начнет втюхивать какие-нибудь топки куда только можно и освещать улицы фонарями, которые делает его знакомый и которые стоят, как… Но только не Вася! Он и его команда не будут растрачивать, откатывать и мошенничать. А чтобы вы были уверены, что он не врет, раз в месяц он будет отвечать на ваши вопросы публично и с использованием детектора лжи!

- Вася, гони, гони его! Так наврать людям! Да это просто кощунство!

- С такой программой, Матушкин, его и без вранья могут выбрать.

- И после выборов он будет делать то, о чем ты говоришь?

- Надо подумать… - промычал Вася.

- Подумай. Люба уйдет, и агитируй за себя сам. Я – тоже, и со мной мои деньги.

- А что тут делаете вы с Любой? Помогаете мне стать мэром. Почему? Да потому, что никакой программы у меня на самом деле-то и нет. Хочу должность! Вот и вся программа. И отсутствие ее я пытаюсь заменить твоими деньгами и Любиной агитацией. Я хотел по-честному работать мэром. А что вышло? А если у меня есть программа, то вы мне с Любой зачем?

- В Старососновск пришел странствующий рыцарь, - размахивая рукой и хихикая, продекламировал Матушкин, - который один собрался победить коррупцию. А ты знаешь, рыцарь,

что спросил Санчо Панса у Дон Кихота Ламанческого, когда тот предложил ему стать оруженосцем? Он спросил его: «А что едят странствующие рыцари?»

- Бориска! Я – ладно. Работаю мэром за зарплату. А вся остальная администрация? Как я за ней присмотрю? И где взять такую?

- Так администрация твоя тоже будет раз в месяц отчитываться перед детектором! Скажи-ка, зам по ЖКХ, украл за предыдущий месяц? Нет? А детектор говорит, что врешь! Квартирку быстренько продал, деньги – в бюджет, а сам – в народное хозяйство! Или вообще каждый день. Утренняя проверка: «Иванов! Украл вчера? Ладно, поработай еще до завтра. Петров? Врешь, украл. Конвойные, вот этого заберите! Следующий!»

- А никого нет уже, все разбежались.

- Да нет. Не все. Только те, по кому плачет срок за растрату. А дальше смотри какая перспектива! Снимут про тебя фильм: «Мэр, который ничего не украл», а тут как раз выборы губернатора. Ты уже побеждаешь коррупцию в одной отдельно взятой области. А там – и в отдельно взятой стране! Представляешь, предвыборный лозунг: «Русские – не воруют!». А представь, какой высоты статую воздвигнут тебе потомки, если удастся воплотить это дело в жизнь?

- На могилке…

- На коне!

- Конь-то при чем?

- Как? Все великие на конях. Так принято. А ты будешь самый великий.

- Но где столько взять детекторов? В каждом сельсовете – детектор. Да еще проводов сколько на каждое рабочее место.

- Сейчас, сейчас… Минуточку терпения…

Бориска встал ногами на свой стул, дотянулся до антресоли и достал с нее полиэтиленовый пакет, в котором оказались три толстые книги, провода, какие-то приборчики…

- Давай, кандидат в мэры, скажи, интересует ли тебя, хорошо или плохо живет народ в Старососновске?

- Конечно, интересует. – уверенно ответил Лампасов.

- Врешь, кандидат. Однозначно: врешь! А согласен ли ты работать мэром за одну зарплату?

- Согласен. – ответил Вася, но уже менее уверенно.

- Опять врешь. Не годишься ты для моей программы. Не буду за тебя агитировать. А жаль. Если бы ты мог сказать так честно, то, глядишь, и выбрали бы. Такой мэр людям нужен.

- Он такой сам себе не нужен! – сказал Матушкин. - Это детектор? Где взял?

- Построил.

- Зачем?

- Да мент один заказал. Сволочь: заказал, заплатил… И помер!

- Всегда бы так!

- Убили его. А детектор у меня остался.

- Работает?

- Обижаешь! Да ты же все видел…

- Да то, что Вася все врет, это и без детектора ясно. Может, ну их в баню, эти топки? Вместе с Васей! Давай строить детекторы!

- Не надо их строить, – возразил Бориска, - От них одно расстройство. Я, после того, как поговорил при помощи него со своими домашними, поклялся никогда не наводить больше эту гадость на живого человека.

- А на меня навел… - с укором покачал головой полковник.

- Так ты же не человек! Ты – кандидат! Публичный политик! Кто тебя просил идти в кандидаты? Сам? Вот и давай, доказывай, что не врешь!

- Да оставь ты этого кандидата… Детекторы… Это же Клондайк! Если сегодня такую штуку выкинуть на рынок по штуке

баксов! Да хоть по десять!

- Я думал. И вот что придумал: детекторы нужны для правосудия. Представь: в суде идет допрос подсудимого, свидетелей… И судья точно знает, кто врет, а кто нет. Тут и судья не нужен, все может делать робот. Неподкупный робот!

- А если он ошибется? Сбой программы, замыкание?

- Вопрос технический. В суде сколько судей? Вот пусть и там будут три робота. А живые судьи не ошибаются? Они еще и взятки берут! Робот по-любому меньше невинных посадит и виновных отпустит. Сейчас там – принцип состязательности. Вот и состязаются прокурор с адвокатом, кто лучше. А украл – не украл, убил – не убил, в общем-то не так и важно. И еще, это я только сейчас подумал, когда Васю встретил: Всех этих мэров-депутатов, министров – президентов тоже надо через детектор пропускать. А вот использование частным порядком должно быть запрещено. Если ты не мэр и не свидетель, то ври, сколько хочешь! Имеешь право, так как вранье – естественная потребность человека, такая же как…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До чего же надоел мне этот Бориска! Как я устал выдумывать все эти небылицы, чтобы рассказать людям, что в этой стране воры – все? Именно ВСЕ. Кто-то обиделся? Даже не один? Ну, уж простите меня, пожалуйста. Все пятеро простите! Зачем вообще говорить об этом? ВСЕ это и так знают. Крадет простой работяга, крадет его начальник. Да что там он там украдет, этот работяга? Немного. Но зато их, работяг, – много. Был я недавно работягой на хлебозаводе. Ползарплаты белые, ползарплаты – черные. Воровством это не считается. И так – у ВСЕХ. Унести с работы домой кексик, прянички, булочки – в порядке вещей. И это не воровство. Мелочь, конечно, мелочь. Начальников меньше, но крадут они больше. И работяга лояльно к этому относится: у

начальника и зарплата больше, так что все справедливо. Начальник спокойно относится к тому, что работяги тянут кексики: сам был работягой, сам тянул. И к тому, что ворует директор, тоже хорошо относится. Сам ведь, тьфу-тьфу-тьфу, когда-нибудь им станет. А кем станет директор? Куда пойдет? В более крупный бизнес, в политику? И там ВСЕ крадут. И лояльно ко всему этому относятся.

Единственное, пожалуй, воровство, которое мы осуждаем, – это то, которое происходит на самом верху. Мы искренне радуемся, когда министра с самого «Олимпа» ловят и садят. Или губернатора! Искренне недоумеваем, когда нам рассказывают, сколько всего у него и так уже было: «Зачем? Зачем еще то было красть?! Он что, не красть уже не мог? Это у него что? Болезнь?». Да, не мог. Да, болезнь. Но ведь он, этот министр или губернатор, не на «Олимпе», где его «взяли», родился. Он, наверное, когда-то был простым работягой, потом - начальником, директором… Он прошел по всей этой цепочке. Поднялся снизу вверх по этой лестнице на воровской пирамиде. И как он теперь может не красть? Он же подцепил эту заразу еще тогда, когда кексик свой тащил с хлебозавода! А сегодня мы, несущие свои кексики, киваем на него: «Да что я?! Вы вон туда, наверх гляньте!».

Так вот, не мы тут, внизу, крадем, потому что они крадут там наверху и нам просто деваться некуда. Это им некуда деваться потому, что мы крадем здесь. Мы – основание этой пирамиды. Мы – разносчики этой заразы. Это не мы должны на него кивать: «Сволочь! Сколько миллиардов украл!», А он на нас: «Гады! По кексику, по кексику – всю страну растащили! Что там мои несколько миллиардов?!». Бороться с эпидемией надо не помещая в больницу на несколько лет самых тяжелобольных, по несколько штук в год. Ее можно победить, только сделав прививку всем, кто еще не заразился. Ну, если, конечно, победить ее вообще возможно.

2017 г.